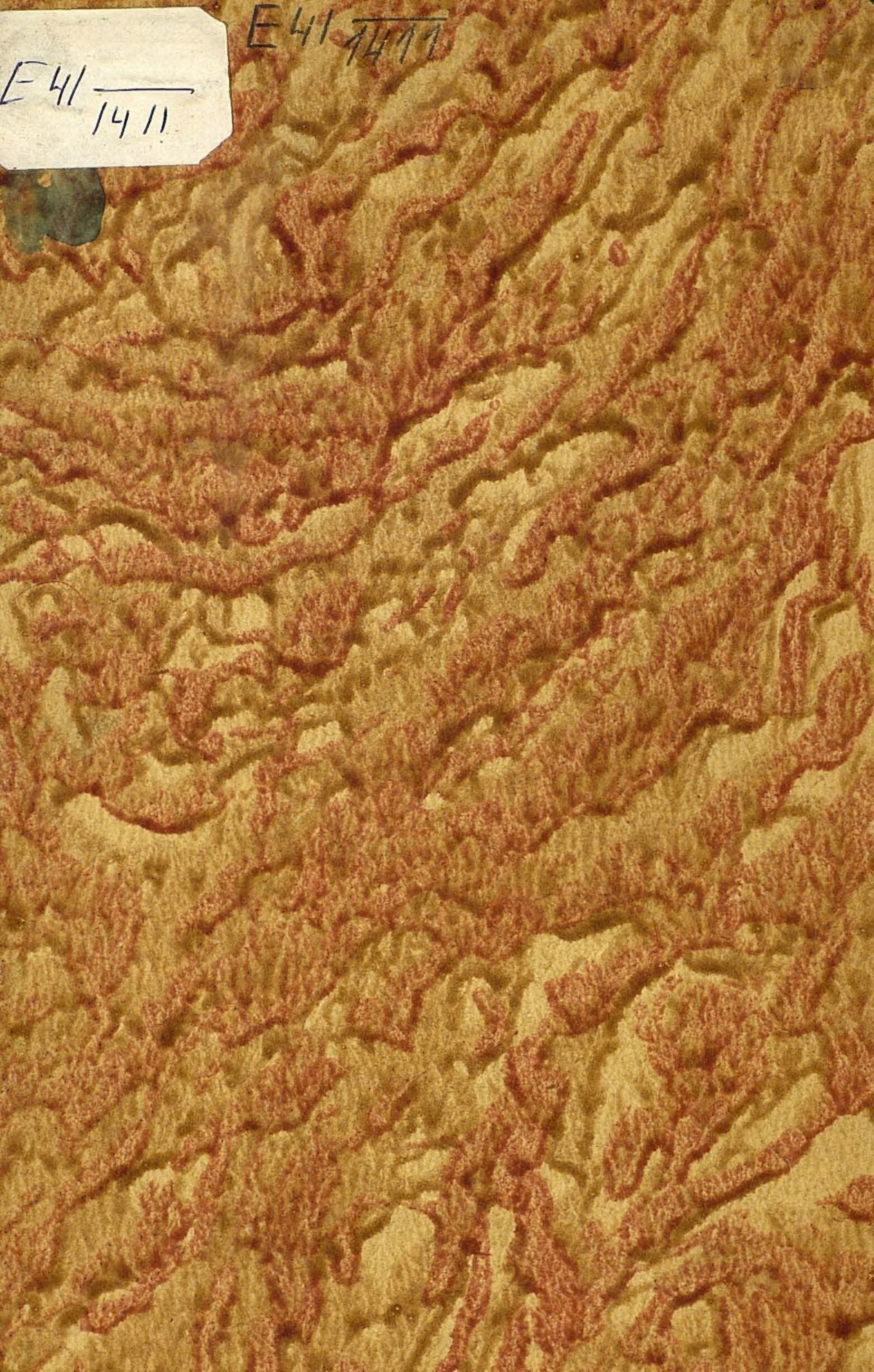

E41 / 1411
E41 / 1411

О-666

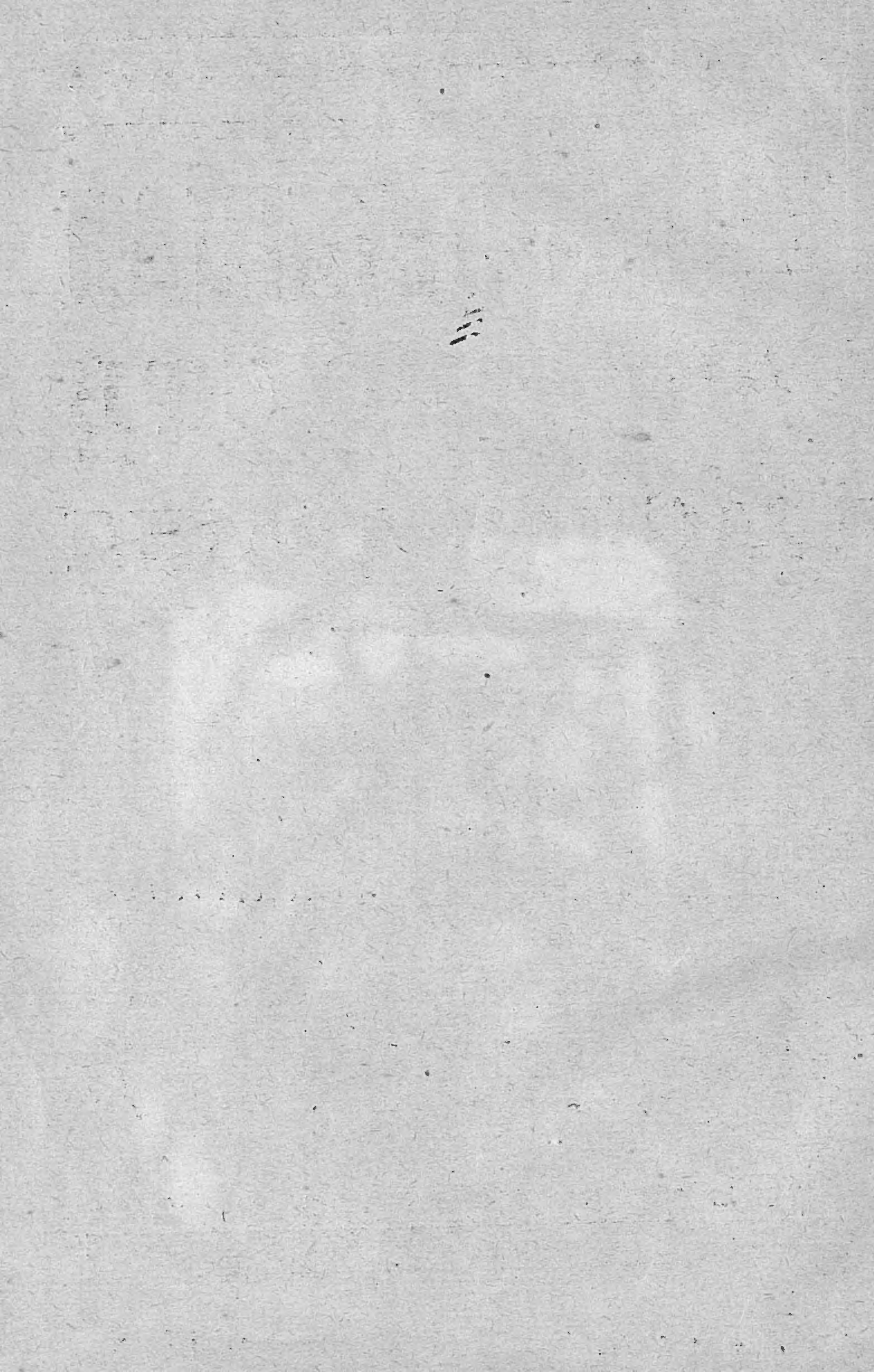
С. ОРЛОВСКИЙ и В. МАЛКИС

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ И КРАСНАЯ АРМИЯ

Б 42 4/29

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

МОСКВА 1926

0-666 E41 1411

С. ОРЛОВСКИЙ и В. МАЛКИС

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ

и

КРАСНАЯ АРМИЯ

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА 1926

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№
№ 56061
2-VI-1926.
БИБЛИОТЕКА
сф. 6665

Ленинградский Гублит № 13.200 Тираж 3.080 — 5 л. Зак. № 903

КЛАССОВОЕ ПРАВО И ЗАКОН

Октябрьская революция как источник пролетарского права.

Буржуазной науке о праве, подводившей правовой фундамент под господство меньшинства над большинством, эксплоататоров над угнетенными, свойственно было ставить и рассматривать вопрос о праве изолированно от процесса общественного развития. Не одна тысяча книг буржуазными юристами была посвящена доказательству священного, надземного происхождения права, оправданию права господствующего меньшинства, как вечной истины, освещающей путь человечеству, доказательству того, что право стоит над обществом, над классами в нем, затушевыванию классовых противоречий в обществе. Этого требовал классовый интерес буржуазии.

Понятие советского права, пишет т. Стучка в своем исследовании о праве и государстве, слишком серьезная вещь, чтобы так легкомысленно с ним обращаться, „ибо это не более не менее, как *революционное право* пролетариата в борьбе против *контр-революционного права* буржуазии“ (курсив тов. Стучка). Марксист-ленинец не может ставить вопросов о праве, законе „вообще“, отвлеченно от реального соотношения классовых сил в обществе. Рассматривая любое явление, он должен подходить к нему с классовой точки зрения. Одной из величайших заслуг перед человечеством К. Маркса — этого гиганта коммунистической мысли, основателя научного социализма, является открытие законов развития истории человечества, анализа-анатомии человеческого общества на разных ступенях его развития. В знаменитой формуле о базисе (основании) и надстройках в обществе К. Маркс указал на то, что „в общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные необходимые, от их воли независящие, отношения — отношения производства, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих

отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка [1]). Правовые идеи, как и всякого рода идеи, не являются прирожденными человеку; в капиталистическом обществе они часто не имеют ничего общего с идеями должного, идеями справедливости. Они дело головы человеческой. Они рождаются на том экономическом фундаменте, который определяет государственное устройство и политику властвующего класса. Они, соответствуя интересам господствующего класса, являясь его классовыми идеями, не объясняются ни самими собой, ни развитием человеческого „духа", ни общей волей, а лишь волей класса, их породившего.

Накопление несметных богатств в капиталистических государствах в руках властвующего меньшинства, накопление путем использования собственности на средства производства, путем выжимания прибыли эксплоатацией миллионов продавцов рабочей силы, определяет и содержание права капиталистического общества. С самого начала оно берет под защиту собственность на орудия производства, на землю, всячески оправдывая право капиталиста на капиталистический „заработок". Достаточно указать на то, что Кодекс Наполеона во Франции, опубликованный через 15 лет после первой революции, 1804 г., из 2.281 статей ровно одну треть посвящает защите частной собственности, две статьи посвящая регламентации, при помощи полиции, вопросов труда. Он — этот Кодекс французской буржуазии — „в вопросах о размере заработной платы, об уплате жалования за истекший год и о задатках, выданных в счет текущего года, придает полную веру утверждениям хозяина" (ст. 1781). Поистине буржуазия объявляет справедливым все то, что экономически ей выгодно, а право буржуазии способствует жесточайшим расправам над теми, кто поднимает голос и руку на эту эксплоататорскую систему хозяйства, освященную традицией веков.

Вот почему буржуазная наука о праве никогда не могла стать и не может стать в капиталистическом обществе на классовую точку зрения, ибо стать на эту точку значит во всей неприглядности показать, что священное право буржуазии есть право меньшинства властвующих над большинством угнетенных. Стать на классовую позицию в праве для буржуазного ученого это значит разрушить до основания легенду, созданную теоретиками буржуазного права

---

[1]) К. Маркс—„Критика политической экономии".

о соответствии его справедливости, разрушить химеру о внеклассовом праве, одинаково относящемся и к эксплоататорам и к эксплоатируемым.

Для господствующего меньшинства всякая революция, а тем более пролетарская, является величайшим беззаконием. Для помещичьего режима Франции в XVIII веке, для режима военной диктатуры торгового капитала в России Великая французская революция и мартовская революция 1917 года стояли вне закона, ибо в них третье сословие — мелкая буржуазия — пробивало себе путь к власти, сбрасывая феодализм. Для российской буржуазии и ее идеологов, мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, надвигавшаяся волна пролетарской революции также была беззаконием, анархией, ибо на смену буржуазному строю она несла новую структуру государства и общества. Октябрьская революция 1917 года, идя под лозунгами и управлением единственной, подлинно революционной партии большевиков, свергнула власть правящего меньшинства, разбила старый государственный аппарат этого меньшинства, объявила лишенными силы его законы. Она создала новый тип государства, являющего собой прообраз государства-коммуны, государство диктатуры пролетариата, государство, организованное в советской форме правления. Под гул восстания угнетенных пролетарская революция написала величайшие законы угнетенных, законы о земле и мире.

Октябрьская революция, выведшая трудящиеся массы на дорогу к коммунизму, сделалась величайшим источником права восходящего класса, *права как системы норм, отражающих порядок общественных отношений на переходный от капитализма к коммунизму период, соответствующих интересам господствующего большинства (рабочих и крестьян) и охраняемых организованной силой этого большинства.* Если, с точки зрения господствующего меньшинства, пролетарская революция незаконна, ибо она совершается не на основании, законном для этого меньшинства, а вопреки ему, ибо она сваливает это меньшинство и подавляет последующее его сопротивление, если она незаконна именно потому, что она делается на основе классовой борьбы и восстания угнетенных, — то она является законной в том смысле, что „на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречия с существующими в этом обществе производственными отношениями или, выражая то же самое юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в пре-

пятствие для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции“ [1]).

Идя через проливы и отливы, через победы и поражения, маневрируя резервами в классовой борьбе, пролетарская революция делается экономически необходимой и исторически неизбежной, когда противоречия экономики, переходя из количества в качество, подготовляют почву для приступа на твердыни капитализма. В создавшейся обстановке непосредственной революционной ситуации, неизбежное и необходимейшее революционное насилие играет роль повивальной бабки готового к родам нового общества. Решительным ударом, тараня скорлупу капиталистического общества, пролетарская революция разрывает сковывающую оболочку, в которой накапливались ее силы, и закладывает основы нового общества, ведя его к конечным целям. Пролетарская революция в этом смысле законна и неизбежна, ибо она основывается на историческом праве угнетенных на восстание против угнетателей. Право на революцию есть историческое право угнетенных.

Право и закон

Буржуазная революция тем и отличается от пролетарской, что она, передавая власть в руки буржуазии, оставляет неприкосновенным государственный аппарат свергнутого первого сословия, слегка реформируя его, подкрашивая его в розовый цвет. Демократия и так-называемые демократические принципы — свободы всех рангов (печати, слова, собраний) — делаются демократией для себя, свободами для пришедшего к власти класса. Российская буржуазия в дни марта 1917 года по примеру 1905 г. пыталась устами своего вождя — Родзянко договориться с царизмом ради его спасения, разделив с ним власть. Под давлением масс царизм был свергнут. Став у власти, буржуазия оставила в неприкосновенности аппарат государственной машины и в нем важнейшие механизмы — царскую армию, царский суд и прокуратуру. Попрежнему царские законы, отражавшие в зерцалах под царским двухглавым орлом интересы правящего класса, остались в силе почти без каких бы то ни было изменений.

В те дни, при звуках одобрения или, в лучшем случае, сочувственного молчания официальной науки о праве и ее „либеральных“ представителей (теперь, кстати сказать, сделавшихся решительными и принципиальными противниками

---

[1]) Карл Маркс—„Критика политической экономии“.

смертной казни). Временное правительство только и сделало, что заменило текст ст. 100 Уголовного уложения декларацией о срочной и бессрочной каторге за посягательство на изменение государственного строя и перед печальной памяти 18 июня издало закон о применении военными судами смертной казни на фронте для солдат, не желающих итти в бой за интересы мировой и отечественной буржуазии. Кстати указать и на то, что в течение шести месяцев правительство ставшей у власти буржуазии так и не могло найти наименование для государственного строя своего государства. Только в начале сентября оно объявило об учреждении Российской республики. Преступная роль социал-предателей всех мастей и рангов от энесов (народные социалисты) до меньшевиков включительно сводилась к оправданию этой „подлинной демократии“, к одурманиванию масс революционностью этого, с позволения сказать, правительства, к призыву к поддержке его и доверию к нему, к травле инакодействовавших, т.-е. большевиков, и к аплодированию заявлениям водолея Керенского о подавлении „кровью и железом“, обращенным к революционному народу. Здесь еще рельефнее подтвердилось то, что буржуазные законы объявляли справедливым все то, что служило экономическим и политическим интересам буржуазии, и несправедливым и незаконным все то, что им противоречило.

24 ноября 1917 года был СНК принят и опубликован декрет № 1 о суде, который говорил: „Упразднить доныне существующие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, упразднить следователей, прокурорский надзор, а равно институт присяжной и частной адвокатуры“. Вместе с этим были отменены старые законы, противоречащие декретам нового правительства и программам-минимум партии с.-д. и с.-р. Последующим декретом о суде № 2, опубликованным 7 марта 1918 г., на смену старому суду был организован Народный суд с двумя заседателями из рабочих и крестьян, действовавший на основе революционного правосознания. Этот суд был судом, разбиравшим все дела (уголовные и гражданские). Он был ответственен перед местным советом, который избирал эти суды; члены суда были сменяемы в любое время.

Посмотрим, как отзывались идеологи буржуазии на эти декреты, фиксировавшие принципы Октябрьской революции и уничтожавшие старый суд, старые законы, выросшие на старых экономических отношениях, соответствующие интересам свергнутого класса.

В лагерь поборников мертвого права, старых свергнутых законов, в стан хулителей права революции стали в первых рядах из неприявших октябрьскую революцию все те, кого отменила эта революция — первая пролетарская революция — революция угнетенных. Класс буржуазии был безвластен, но его идеология была еще властна в головах многих. Буря негодования, клеветнические выпады, разговоры о государстве, анархии и т. д. встретили и сопровождали это разрушение старой государственной машины, ломку старого судебного аппарата и сдачу законов свергнутого класса в архив истории. Вот, что осенью 1918 года писал одесский профессор Кузнецов, сидя под защитой белых в Одессе, оккупированной союзниками. Обращаясь к революции и создаваемому праву, он говорил: „перед нами картина государства, где власть в руках группы лиц, которых мы клеймили именем захватчиков, предателей, авантюристов. Государство, государственная организация в этом случае действительно вне нас, наше (т.-е. буржуазное. Авт.) нравственное сознание не связывает нас с этим государством, а наоборот, из него выделяет. Пусть даже это государство издает правовые нормы, с которыми лично мы согласны, и тем не менее мы не можем перебороть чувства несогласия. Откуда оно? Источник несогласия в нас, как носителях общественного должного начала (читай: „буржуазного должного начала“. Авт.). Это начало мешает нам существующую организацию признать своей, а в результате и ее нормы шокируют нас, как нечто общественно-безнравственное, насильническое. Мы не хотим, нравственно не можем принять из рук государства, покоящегося на захватном праве, те нормы, какие мы при иных условиях, при ином государственном строе (наприм., буржуазном. Авт.) приняли бы с распростертыми объятиями. В результате, в силу необходимости мы выполняем механически данные предписания, но душа наша не перестает питать к ним чувства нравственного нерасположения, порицания“ [1]). Помимо ненависти к революции, как к источнику Советского права, в писании гр. Кузнецова мы находим призыв к тому саботажу, который был первым жестом со стороны тех, кто не принял революции и ее принципов. Значительно осторожнее, примерно в это же время, дает оценку размаху революции другой профессор — известный в ученых кругах государствовед — профессор Московского университета Н. Н. Алексеев. Оценивая революцию 1917 года как источник анархических начал, как бунт против права, он с пафосом восклицает: „Где символ

---

[1]) Проф. Кузнецов — „Теория права“, вып. I, стр. 36.

веры русской революции? Где ее идеал? Где ее исповедь? В политических планах наших мы не идем далее Руссо. В нашем социализме мы не превзошли Маркса. Своей революционной „исповеди“ мы не написали, и неизвестно, напишем ли. Мы велики размахом, но бедны мыслью, мы не умеем осмыслить наш размах, не сумели осветить его новым общественным сознанием и новой идеологией“ [1]).

Такова „ученая“ оценка нашей революции со стороны тех классов, которых революция низвергла.

Какое же взаимоотношение существует между правом как системой норм, отражающих порядок общественных отношений, и законами. Что составляет понятие закона? Под законом надлежит понимать норму (правило), устанавливаемую высшей государственной властью в целях регулирования общественного поведения, соответствующую интересам властвующего класса и обязательную для выполнения (или воздержания) всеми гражданами данного государства. Возьмем уголовное законодательство, — в нем объявлен перечень норм, воспрещающих те или другие действия. В законах мы имеем нормы, регулирующие взаимоотношения граждан на основе слагающихся производственных отношений. Октябрьская революция, будучи первоисточником права, свои основные принципы выявляет в законе законов или конституции, устанавливающей формы устройства государственного строя и провозглашающей способы осуществления господства стоящего у власти пролетариата. Эти принципы отражаются в тех или иных, потребных для данного периода, нормах закона. Еще философ Фейербах совершенно правильно отметил основное положение, указав, что первоначально не право зависит от закона, а закон исходит из права. Таким образом, закон играет подчиненную праву роль. Он воплощает правовые принципы в конкретные требования, отмечая в ряде норм типичное в праве. Закон, это — техника права, способ его выражения.

Совершенно ясно, что наши законы, выражая право властвующего класса соответствуют его классовым интересам, обеспечивают тот курс политики, который в интересах класса берется на тот или иной период. Мы не ставим, в отличие от капиталистических государств, закон над обществом, мы не говорим о его незыблемости и неизменяемости. Наоборот, мы указываем на то, что меняются формы производственных отношений и вместе с ними изменяются и законы. Наш закон, это — тактика пролетариата, подчиняющаяся его стратегии. У нас не общество основывается на

---

[1]) Проф. Н. Н. Алексеев - „Введение в изучение права“, стр. 4.

законе, а закон на обществе. Он, в противовес произволу отдельного индивидуума, является выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа материального производства. В своей речи на Кельнском процессе К. Маркс указывал на то, что не гражданский кодекс Наполеона, изданный французской буржуазией в 1804 г. породил существующее буржуазное общество, а последнее принципы своего классового права отразило в этом кодексе. Из всего сказанного совершенно ясно, что отмена старых законов, выросших на старых общественных отношениях, была совершенно последовательна со стороны нового класса, строящего новое общество. Вместе с этим, поскольку сразу пролетарское государство не может быть построено на социалистических основах, поскольку экономика в своем постепенном продвижении медленно, но неуклонно становится на социалистические рельсы, постольку и производственные отношения в праве и законе фиксируют данное состояние экономики, обеспечивая врастание в социализм остальных форм частного хозяйства. Наша конституция, написанная в 1918 году, фиксирует собой политические формы классовой борьбы и ее результаты, установленные после одержанной пролетарской победы. При таком понимании права совершенно ясно указание К. Маркса на то, что «право ничего не дает, а только санкционирует существующие достижения" („Литературное наследство" т. II, стр. 342). Революция рождает право победившего класса. Она формулирует программно свои завоевания в виде требований правового характера. Она придает своим притязаниям всеобщую значимость в форме законов. Таким образом, все сказанное сводится к формуле: революция—источник права, право—источник закона.

Закон переходного периода.

Октябрьская революция в первый раз в мире пробила путь к коммунизму. Большевистская партия, под руководством которой пролетариат, при поддержке крестьянства, прошел путь к ноябрю, еще задолго до овладения властью, устами своего вождя Ленина указывала на то, что „одним из коренных вопросов всякой революции является вопрос о власти". В какой форме Октябрьская революция организовала власть в первом пролетарском государстве? Одной из важнейших заслуг ленинизма является развитие теории диктатуры пролетариата, обоснованной еще Марксом на опыте Парижской коммуны. Эти великие принципы были осуществляемы в конкретной форме в октябре 1917 г. пришедшим к власти пролетариатом. Выводы Маркса развил

Ленин на опыте трех русских революций и он же воплотил их при построении нового типа пролетарского государства, являющего собой прообраз коммуны.

В „Критике Готской программы“ К. Маркс указывал на то, что „между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата“. Что же такое—диктатура пролетариата? «Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплоатируемых масс“ [1]). „Диктатура пролетариата есть не только *насилие*, но и *руководство* трудящимися массами непролетарских классов, но и *строительство* социалистического хозяйства, высшего по типу, чем хозяйство капиталистическое, с большей производительностью труда, чем хозяйство капиталистическое. Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков; 2) руководство пролетариата *в отношении крестьянства* и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятия диктатуры пролетариата“ (Н. Сталин. „Вопросы и ответы“, стр. 43. Курсив т. Сталина).

Если диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами [2]), то у нас возникает основной вопрос: а при чем же тут закон? Какое отношение имеет закон к эпохе диктатуры пролетариата, если эта эпоха сама отрицает какую бы то ни было роль закона? Никто иной, как В. И. Ленин, дал совершенно ясное различие между обычным положением в государстве и состоянием революции. Никто иной, как он, указал: „революция именно тем и отличается от обычного положения дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до решительных ее форм,— иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены... в конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны, и в этой войне, как во всякой войне, это также изве-

---

[1]) В. И. Ленин—Собрание сочинений, т. XIV, ч. II.
[2]) В. И. Ленин—Собрание сочинений т. XIV, ч. II, стр. 25.

стный и никем в принципе не оспариваемый факт, — экономика" [1]). В целях уяснения роли закона мы должны выяснить его значение на двух эпохах нашего продвижения к коммунизму: на эпохе военного коммунизма и эпохе новой экономической политики. Что общее в этих эпохах, что связывает их в одну цепь? Общее, это—диктатура пролетариата и ее содержание—классовая борьба. Различие—в тактике проведения диктатуры пролетариата. Тов. Зиновьев указывает на то, что в ленинской постановке вопроса о диктатуре пролетариата можно условно различить два периода: „первый период есть период непосредственной борьбы за власть, непосредственного свержения буржуазии и сламывания ее сопротивленя, период непосредственной жесточайшей гражданской войны с оружием в руках. Второй период есть период борьбы за хозяйственное упрочение пролетарской диктатуры (прежде всего крупная промышленность), период закрепления пролетарского государства, переваривание политического опыта пролетарской революции широчайшими народными массами, период длительного и прочного завоевания на сторону пролетариата широких непролетарских элементов трудящихся, период „мирной и бескровной" борьбы за упрочение диктатуры пролетариата, период, тоже полный самой напряженной и страстной классовой борьбы, ведущейся лишь в других формах" [2]).

В первом периоде—военного коммунизма—первое в мире пролетарское государство представляет осажденную врагами революции крепость, отбивавшую атаки отечественной и мировой буржуазии, расправляющуюся жесточайшими мерами с врагами, внутри подготовляющими ее падение (предателями в осажденной крепости). В этом периоде насилие играет роль и в экономике, так как государство—крепость для содержания своего требует жертв от крестьянства. Оно не оставляет ему излишков, запрещая свободу торговли, издавая законы о борьбе со спекуляцией и особенно спекуляцией хлебом (заградительные отряды). Значит ли это, что мы в этом периоде не имеем закона, что в этом периоде царит полнейшее бесправие, что пролетариат—гегемон революции--отказывается от выражения, провозглашения правовых принципов и органов, применяющих закон? Ничуть не бывало! Как уже ранее мы указывали, мы имеем свой суд (народные суды, гражданские и военные трибуналы), мы имеем наши законы, публикуемые в собраниях узаконений Рабоче-Крестьянского Правительства", наконец,

---

[1]) В. И. Ленин—Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 25.
[2]) Зиновьев—„Ленинизм", стр. 183.

мы имеем организованные чрезвычайные следственные комиссии, предназначенные для борьбы с контр-революцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. Мы даже имеем особый революционный трибунал по делам печати, следящий за идеологическим фронтом. Закон и органы, проводящие его, существовали и в первый период эпохи военного коммунизма, но вся суть в том, что наш суд, руководствуясь революционным правосознанием, был органом расправы против своих классовых врагов. Суд, будучи орудием (и весьма действительным) диктатуры пролетариата, целеустремленностью своей был направлен на защиту государства—крепости от ее врагов (внешних и внутренних). В. И. Ленин особое значение придавал закону-декрету в этот период. Тов. Стучка в своей статье „Ленин и революционный декрет" говорит, что было бы большой ошибкой думать, будто В. И. равнодушно относился к революционным декретам и законам. „Напротив,—пишет тов. Стучка,—я бы скорее констатировал у него (в первое время нашей власти) *чрезмерную веру* в декрет, он сурово бичевал всякое пренебрежительное отношение к декретам новой власти" (курсив тов. Стучка). Однако, в этот период закон не играл роли основного регулятора общественного поведения, он не был достоянием широчайших масс, он издавался не в системе кодифицированных норм, а лишь по тем или иным отдельным случаям в обеспечение главнейшей задачи обороны Республики. Большое значение в этот период имели постановления, издаваемые органами местной власти, причем зачастую эти постановления предшествовали закону. Наши декреты, говорит тов. Стучка, нам приходилось зачастую повторять и настаивать на их исполнении. Роль права в этот период в значительной мере сводилась к борьбе пролетарского революционного права с буржуазным контр-революционным правом, ибо наше право обнажало контр-революционную сущность внеклассового права буржуазии. То исключительное положение, в котором находилась Республика (состояние гражданской войны), неизбежно ограничивало действие закона. Непосредственное насилие, революционная расправа были основными способами осуществления классовой борьбы.

Перейдем теперь ко второму периоду,—к периоду новой экономической политики. В этот период мы не отступили от командных высот, завоеванных в октябре. Осталась диктатура пролетариата и ее содержание—классовая борьба. В целях использования передышки для накопления резер-

---

[1] Сборник „Революция права", № 1.

вов пролетариата, для хозяйственного упрочения его диктатуры классовая борьба проводится в иных, более „мягких“ формах. Пролетариат укрепляет связи с крестьянством, принятая им экономическая политика обеспечивает рост производительных сил в городе и деревне. Эпоха второго периода в области права есть эпоха кодификации норм и регулирования ими общественного поведения. Издается ряд кодексов законов (Уголовный, Гражданский, Земельный и т. д.). Эти законы отражают политику государства и являются выражением создающихся экономических отношений. Наши законы попрежнему соответствуют интересам господствующего большинства, обеспечивая и укрепляя завоевания революции. Наш гражданский кодекс, фиксируя переход от военного коммунизма к товарному хозяйству, устанавливает пределы развития частно-хозяйственных отношений и обеспечивает рост производительных сил страны. Прежде всего, он изымает из частного оборота ряд категорий, указывает на то, что никакие споры по гражданским правоотношениям, возникшим до 7 ноября 1917 года, не должны приниматься к рассмотрению гражданскими судами, он подтверждает запрещение ссылки на законы старых правительств и решения старых судов, воспрещает распространительное толкование статей кодекса, разрешая это толкование в интересах рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс. В целом же он обеспечивает те права населения, которые государство считает необходимым обеспечить в интересах нашего строительства.

Чрезвычайное положение страны, борющейся за отстаивание власти пролетариата в кровавой непосредственной гражданской войне, ограничивает действие закона, тогда как во второй период закон все более и более приобретает роль главного регулятора общественного поведения. Он ставится в государственном механизме на свое должное место. Диктатура пролетариата не признает никаких законов, т.-е. законов, враждебных целям этой диктатуры, но вместе с этим восставший и победивший класс создает свои законы, причем эти законы, одухотворенные революционным насилием, которое пролетариат должен применять в чрезвычайной обстановке гражданской войны, подавляя сопротивление враждебного класса, играют подчиненную политике роль.

Эпоха первого периода не есть эпоха полнейшего беззакония, как неоднократно утверждали наши враги, но эпоха своего рода борьбы старого права с новым,—советским правом, борьбы за окончательное завоевание последних позиций и вместе с этим борьбы закона за осуществление основной задачи этого периода—утверждения власти рабочих

и крестьян. В этом периоде диктатура пролетариата не исключает действие закона и отводит ему почетную роль в подавлении сопротивления буржуазии. В эту эпоху суд является одним из рычагов этой диктатуры пролетариата, направляющим острие закона на враждебный класс.

Помимо кодификации закона и присвоения закону регулятивной роли, второй период развития диктатуры пролетариатата отличается и курсом, взятым партией и властью на укрепление революционной *законности*. Теперь мы, определив сущность права и закона, перейдем к уяснению значения революционной законности и курса на ее укрепление, взятого всерьез и надолго, не на месяцы и годы, курса на эпоху переходного к коммунизму периода.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ

Революционная законность и революционная целесообразность

Еще в 1922 году, когда на III сессии ВЦИК IX созыва стоял вопрос об организации централизованного органа прокуратуры, некоторые товарищи в комиссии, созданной для рассмотрения этого вопроса, признавали необходимым организовать прокуратуру по принципу двойного подчинения— и центру и местам, этот взгляд получил большинство в комиссии. Понадобилось вмешательство В. И. Ленина, который в специальном письме категорически указывал на неправильность такого подхода к вопросу. В письме [1]) он указывал, что нам досталось в наследие от прошлого, вследствие нашей некультурности море беззакония, что очередной задачей дня должна быть поставлена борьба с беззаконием и что, в первую голову, централизованный сверху до низу прокурорский аппарат должен иметь наблюдение за выполнением законов местами. Эту задачу может осуществить прокуратура только в условиях свободы от местных влияний. 28 мая 1922 года было опубликовано положение о государственной прокуратуре, при чем на нее было возложено „осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц, путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений".

Партия и власть во всей широте только в эпоху НЭП'а могла взять курс на укрепление революционной законности,— так как это диктовалось необходимостью максимального упрочения нашего строительства. Этот курс, взятый всерьез и надолго, таким образом, в основном, в области законо-

---

[1]) См. „Правда" от 23/IV 1925 г.

дательства, отличает второй период от первого. В чем же заключается сущность революционной законности?

В узком понимании сущность революционной законности, по определению Н. В. Крыленко, заключается „в установлении такого правопорядка, при котором каждому (гражданину. Авт.) обеспечена полная свобода, если он совершит то, что советским законом не воспрещается, и наказуемость для всякого, кто бы он ни был, при совершении деяний, воспрещенных законом“. Революционная законность, это значит соблюдение каждым гражданином советского закона. Но такое определение революционной законности можно назвать правильным только в узком смысле толкования законности. Задача курса, взятого партией на революционную законность, состоит в том, чтобы: а) революционный закон выполнялся всеми органами власти и в особенности низовым советским аппаратом; б) всеми гражданами Союза и проживающими на его территории лицами; в) в ограничении административной регламентации, т.-е. в придании революционному закону силы в той области, где еще господствует административное усмотрение. Таким образом, *под революционной законностью надлежит понимать соблюдение органами власти, гражданами и всеми проживающими на территории Союза ССР лицами законов Рабоче-Крестьянского правительства, строжайшее соответствие единому закону обязательных постановлений, издаваемых местными органами власти, и обеспечение законом прав населения.*

Когда мы говорим о законности, то понимаем революционную законность, т.-е. революционный классовый закон в его применении к жизни, таком применении, которое совпадает с основными задачами пролетарского государства на данном этапе. Нам кажется совершенно неправильным противопоставление революционной законности — революционной целесообразности, неправильным именно потому, что наши революционные законы классово-целесообразны, т.-е. соответствуют интересам революции. Нельзя, например, по отдельным случаям неправильного применения закона, вследствие его буквального толкования судьей, органами дознания и т. д. приходить к выводу о том, что плох закон (в действительности он только неправильно применяется), и на основании этого договариваться до предоставления всем права применять закон лишь тогда, когда он кажется целесообразным. Нам нужно решительно бороться с применением закона на основе формального толкования, бороться за то, чтобы органы, применяющие закон, применяли его по смыслу его, по его духу, но в то же время нам со всей категоричностью надлежит, прививая уважение к нашим

законам, отстаивать их выполнение, ибо хотя мы страдаем от плохого применения закона, но еще более страдаем от его неприменения на местах, от того законотворчества, которое, оправдываясь целесообразностью, означает игнорирование единого закона и зачастую сводится к установлению „законности калужской и рязанской“.

Одним из прав законодателя — и только законодателя — является изменение закона, почему-либо устаревшего. Наши законы, в общем и целом поспевающие за жизнью, весьма часто перерабатываются законодателем именно в соответствии с целесообразностью. Наши законы, таким образом, революционно целесообразны.

Революционная законность в эпоху военного коммунизма и нэп'а.

Совершенно понятно, что в эпоху военного коммунизма, когда страна наша находилась в осадном положении, когда только-что еще слагались основы нашего советского права, когда господствовали неизбежные для этого периода методы насилия в осуществлении диктатуры пролетариата, — не мог быть взят партией и властью курс на революционную законность. Вместе с этим, было бы ошибочно утверждать и то, что в этот период мы не имели революционного закона и не стремились, в целях самоорганизации и подавления сопротивления враждебных нам классов, к исполнению этих законов победившего класса — класса-руководителя в революции, пролетариата.

Если брать понятие революционной законности в узком значении, т.-е. в значении курса на строжайшее выполнение советских законов, то мы должны признать, что в этом значении революционая законность возникла в эпоху военного коммунизма, но проведение ее в массовой форме, как основную задачу власти, конечно, относится к началу 1922 года. Мы уже сослались на тов. Стучку, когда говорили об отношении В. И. Ленина к революционному декрету. Теперь ограничимся просто соответствующими (и, нам кажется, не требующими комментариев) заявлениями тов. Ленина. По инициативе его VI Всероссийский Чрезвычайный Съезд Советов 8/XI — 1918 года вынес специальное постановление „о точном соблюдении законов“. В этом постановлении мы читаем: „Всероссийский Чрезвычайный VI С'езд постановил: призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью“. Почти через год после этого постановления, 24 августа

1919 года, В. И. Ленин в „письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком“ писал: „чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, *необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми“* .... Немного ниже он пишет: „С этими врагами трудящихся,—с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, — надо быть беспощадными. А чтобы уметь ловить их, надо быть искусными, осторожными, сознательными, надо внимательнейшим образом следить за малейшими беспорядками, *за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти.* Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить „по старинке“ *и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти“* [1]). В то время как в эпоху военного коммунизма основная задача, стоявшая перед советской страной, заключалась в непосредственной борьбе за власть, за ее удержание в обстановке гражданской войны, в эпоху новой экономической политики основная задача власти заключается в восстановлении хозяйственной мощи страны путем развития производительных сил промышленности и крестьянского хозяйства, втягивания последнего в социалистическое строительство, под лозунгом гражданского мира. Отсюда и курс во второй период на революционную законность, на такое применение революционных законов, которое бы обеспечивало населению права, представленные ему в интересах основной задачи этого периода. Отсюда лозунг партии „лицом к деревне“, который является не только агитационным, но определяющим собой направление нашей политики. Он далеко не исчерпывается такими мероприятиями, как „оживление советов“, укрепление деревенской кооперации, организация бедноты и середняков и помощь крестьянскому хозяйству, но,—выражая поворот внимания партии и власти к деревне, требует особенного улучшения работы тех частей государственного механизма, которые обслуживают деревню. В этом механизме партия особенное внимание устремляет на работу низового советского аппарата, который, будучи ближе к населению, зачастую определяет суждение населения о самой власти. 1925 год дал в резолюции партии и III Всесоюзного С‘езда Советов указания по вопросу проведения революционной законности. В постановлении XIV

---

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 304.

партконференции о революционной законности мы читаем: „признавая, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти, конференция постановляет: а) одобрить инициативу ЦКК по постановке этой задачи, как одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед Советской властью; б) поручить ЦК и ЦКК разработать на основе указаний Ленина, высказанных им в опубликованном 23/IV с. г. письме и доклада тов. Сольца все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности с проведением этих мероприятий в советском порядке„. В постановлении III С'езда Советов СССР по вопросам советского строительства (пункт IV постановления о твердом проведении революционной законности) в укреплении революционной законности различаются двоякого рода мероприятия: а) усиление борьбы с нарушителями законности и сужение административной регламентации; б) широкое ознакомление рабочих и крестьян с советским законодательством и с порядком обжалования действий органов власти, нарушающих законы.

Таким образом, курс, взятый партией и властью на революционную законность, сводится к обеспечению прав населения, к защите этих прав законом, в вооружении бедняка и середняка знанием своих прав и к наблюдению через прокуратуру за утверждением во всех Республиках, входящих в Союз, начал законности.

Революционная законность — курс на эпоху

Курс, взятый партией на революционную законность, есть курс на целую эпоху. Он является не простой декларацией, высказываемой для успокоения недовольных, он является не агитационным лозунгом, а важнейшей задачей для всего, и в особенности низового, советского аппарата. Взятый курс на революционную законность рассчитан не только на „мирное“ время, но и на тот период, когда история вновь, может-быть, поставит перед рабочими и крестьянами задачу обороны Республики. Будет ли эта эпоха повторением эпохи военного коммунизма? Конечно, с точки зрения устремления внимания всего государственного аппарата, рабочих и крестьян на оборону Республики, последняя будет в центре внимания и в следующий аналогичный период. Но будут и существенные, коренные отличия от первого периода. Во-первых, пролетарское государство

в целом будет экономически и политически сильнее. Оно будет иметь регулярную Красную армию (в отличие от периода партизанских отрядов в эпоху ее формирования), причем качественно и политически ее полки и бригады будут вестись на 100% нашими командирами, прошедшими школу военного искусства. Во-вторых, еще значительнее укрепится союз рабочих и крестьян, и советская страна будет представлять собой трудовой народ, который станет будет защищать себя. В третьих, мало вероятны повторения, в размерах первого периода, тех восстаний изнутри, которые были в эпоху военного коммунизма и являлись, поистине, ножом, всаживаемым в спину революции. Помимо укрепления союза рабочих и крестьян, осознания последними теснейших взаимных, общих интересов, после стольких уроков для внутренней контр-революции вряд ли можно будет думать, что контр-революционные элементы будут настолько активны, чтобы решиться на выступления, что они не будут видеть, как на фоне растущей смычки рабочих с крестьянами, на фоне решительного перехода трудовой интеллигенции на сторону пролетарского государства они будут лишены прежней базы для опоры. Это, конечно, не значит, что, успокоившись на сделанных достижениях, мы будем, почивая на лаврах, в оптимистическом благодушии, забывать, о кулачестве и возможных комбинациях из-за рубежа.

Раз таковы особенности предстоящего периода, то совершенно ясно, и то, что курс, взятый партией и властью на укрепление революционной законности, в целом будет существовать, ибо он способствует „интересам укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьян“. Несомненно, что на $^{9}/_{10}$ исход будущей борьбы будет зависеть от крепости и мощи союза рабочих и крестьян. Само собой разумеется, что при сохранении революционного закона и революционной законности на будущий этап они будут в своем проведении устремлены на основную задачу обороны Республики. В эту возможную эпоху, может-быть, эпоху последнего революционного боя, будут греметь пушки, но не будет молчать и революционный закон. Он будет стоять на позициях диктатуры пролетариата и свое острие направлять на врагов революции. Цель обстрела будет одна, формы его — разные.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОНОСТЬ В КРАСНОЙ АРМИИ

Красная армия и военно-судебные органы.

Прежде нежели перейти к изложению практических задач по укреплению революционной законности в Красной армии, является необходимым, хотя бы вкратце, остановить внимание на основных задачах, которые стоят перед армией и таким образом определяют основное содержание ее работы, и способах их выполнения. Практическое проведение курса на укрепление революционной законности в армии мы не можем рассматривать в отрыве от коренных задач армии и способа их выполнения. Вместе с этим, эти задачи дают основную канву и для направления деятельности военно-судебных органов, обслуживающих армию в судебном отношении.

В первый период — эпоху военного коммунизма — Красная армия была органом расправы и подавления сопротивления буржуазии, а в капиталистических государствах армия является органом подавления трудящихся, органом порабощения народов (Марокко, Сирия, Китай). Красная армия создана у нас не для нападения, ибо советское государство, руководимое пролетариатом, неоднократно на многих примерах доказывало и доказывает свое стремление к миру, — наша армия является организацией для обороны от возможных наступлений окружающего нас капиталистического мира, который ненавидит и боится нашего Союза. По своему социальному составу наша армия ня $^4/_5$ крестьянская.

Декретом ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1923 года в основу строительства нашей армии положена территориальная (милиционная) система, сущность которой сводится к тому, что при незначительном составе кадровых частей (постоянных) они комплектуются переменным составом, принимаемым из определенных районов, на территории которых расположены эти кадры. Основным, указывает тов. Бубнов, что до настоящего времени определяет обстановку, в кото-

рой приходится работать Красной армии, является военная реформа 1924 года. В истекшем году мы имеем переход к нормальному комплектованию армии (закон об обязательной военной службе), реорганизацию центрального военного аппарата, децентрализацию снабженческого аппарата (система самостоятельного полкового хозяйства) и целый ряд практических задач, развивающих основные — проведение единоначалия, укрепление дисциплины и т. д. Таким образом, все эти задачи направлены к осуществлению основной задачи укрепления боеспособности армии.

Наша армия, состоящая почти сплошь из крестьян, является не только организацией для ведения войны, но в мирный период она служит подлинной школой не только военного искусства, но и школой политического воспитания крестьянской молодежи. Она ежегодно вбирает в себя и отпускает сотни тысяч молодежи и таким образом производит теснейшую увязку с беднейшим и средним крестьянством страны. Допризывная подготовка молодежи, работа между сборами с переменным составом терчастей протягивает ее связи до деревни. В повседневной своей работе Красная армия постоянно соприкасается с деревней. Из казарм и сборов она в лице участковых кадров несет работу на деревню.

Красная армия, управляемая на всей территории Союза ССР одним органом в лице Революционного военного совета Союза ССР, в судебном отношении обслуживается Союзными военно-судебными органами, применяющими общие для нее нормы советского законодательства. В целях обеспечения боеспособности армии, единства действий в борьбе с проступками и преступлениями является совершенно необходимой объединенная судебная политика по борьбе с этими явлениями, разлагающими армию. Особое построение армии, специфические задачи и способы их выполнения требуют строжайшего единства в судебном отношении.

Ясно, что армия, в своей практической работе имеющая соприкосновение с крестьянством, должна воспитываться в духе революционной законности. Она в этом смысле должна стать школой, выпускающей не только воина и гражданина, но и гражданина, грамотного в правовом отношении. Это не значит, что он должен знать все законы, изданные правительством. Такая задача непосильна для красноармейца, но быть воспитанным в духе революционной законности, это значит быть дисциплинированным и исполнять не страха ради, а сознательно уставы, нормирующие жизнь армии, и приказы начальствующих лиц, это значит знать не только свои права, но и обязанности как красноармейца, как гра-

жданина, для того чтобы по приходе из армии на деревню быть стойким проводником законности и передовым бойцом за ее укрепление.

В состав Верховного суда Союза ССР входит Военная коллегия этого суда и при ней состоит военная прокуратура, возглавляемая Ст. пом. прокурора Верховного суда СССР., подчиненным прокурору Верховного суда. Это — органы, направляющие деятельность всех военно судебных органов на территории Союза ССР. При всех военных округах имеются военные трибуналы и военные прокуратуры округов, которым подчинены военные трибуналы корпусов и дивизий в данном округе, а также и соответствующие военные прокуратуры. Необходимо указать на то, что дивизионные военные трибуналы рассматривают дела по персональной подсудности в отношении комполитсостава и адмхозсостава только до командира отдельного батальона включительно; корпусные — до командира неотдельной бригады включительно и ниже в отношении всех военнослужащих и окружные военные трибуналы до начальника штаба корпуса включительно. Военная прокуратура учреждена была согласно общего положения о прокуратуре 28 мая 1922 года. Она входила в систему единого прокурорского надзора и была подчинена до организации Союза ССР Народному комиссару юстиции РСФСР, как Прокурору Республики. С образованием Верховного суда Союза ССР и при нем прокуратуры суда, а равно и военной коллегии органы военно-прокурорского надзора об'единяются Управлением прокурора Верховного суда Союза ССР.

Что же относится к компетенции военно-прокурорского надзора, обслуживающего части армии?

К обязанности военной прокуратуры относится: а) наблюдение за законностью действий всех должностных лиц и учреждений данного войскового об'единения, при котором учреждена прокуратура и предложения им об отмене или изменении распоряжений и приказов, изданных ими в нарушение действующих законов, за исключением распоряжений и приказов оперативного характера; б) общий надзор за производством дознания и предварительного следствия органами данной части (следователями) и ОО ГПУ в данной части и за законностью и целесообразностью принимаемых ими мер пресечения (заключение под стражу и другие меры в период дознания и следствия) и дача этим органам указаний и распоряжений; в) утверждение обвинительных заключений военных следователей по всем делам, по которым производилось следствие, а равно и постановлений о предании суду по материалам дознания, составление нового

обвинительного заключения в случае несогласия и предложение суду о прекращении дела, а равно поддержание обвинения в военных трибуналах; г) осуществление судебного надзора за приговорами и определениями военных трибуналов путем опротестования их перед кассационной коллегией Верховного суда, соответствующей Союзной республики; д) проверка правильности содержания под стражей лиц, числящихся за военными трибуналами и ОО, во всех местах заключения.

Какое же место занимает военная прокуратура в системе построения Красной армии? С одной стороны, военная прокуратура, как мы видели выше, есть центральный аппарат, подчиненный прокуратуре Верховного суда Союза ССР и выполняющий ее директивы, но, с другой стороны, те задачи, которые ставит себе армия, и основная из них — укрепление ее боеспособности — настоятельно требуют от военно-судебных органов своего обеспечения их деятельностью. Когда военно-судебные органы, говорит тов. Бубнов, будут итти нога в ногу, локоть к локтю со всей системой органов военного управления, только тогда Революционный военный совет Союза сумеет и использовать этот рычаг; с другой стороны, и военно-судебные органы, которые держат этот рычаг в своих руках, смогут так управлять им, чтобы помочь укрепить боеспособность нашей армии [1]). С этой точки зрения, военная прокуратура является частью политического аппарата Красной армии, будучи лишь своеобразно построена.

Политсовещания в Красной армии являются тем органом, который согласовывает деятельность всех политорганов и направляет ее соответственно тем общим задачам, которые стоят перед данной частью. Его постановления, дающие общую политическую ориентировку, обязательны для военно-судебных органов, а в случае несогласия с ними, обжалование не приостанавливает исполнения постановления. Всю работу военная прокуратура должна строить в строгом согласовании с работой политорганов, с той обстановкой и теми задачами, которые осуществляются данной частью. Только при такой теснейшей увязке в работе прокуратура без потери перспектив будет, сообразно общей цели, выполнять свои основные задачи и главнейшую из них — осуществление как общего, так и судебного надзора за законностью. Отсюда ясно, что военная прокуратура, будучи не подчиненной ни командованию ни политорганам данной части, не является обособленной от части. Она является ее неотъемле-

---

[1]) А. Бубнов—„1924 год в военном строительстве“, стр. 262.

мой составной частью, увязывающей свою практическую работу с теми общедирективными указаниями, которые на данный период существуют в политработе.

Военная прокуратура в своей практической работе не противопоставляется гражданской прокуратуре. Существует единый прокурорский надзор, общая прокуратура с одними и теми же функциями, но в этой общей системе прокурорского надзора военная прокуратура есть специфический орган, выполняющий общие задачи лишь несколько иными методами, определяемыми той особой структурой и особыми задачами, которые стоят перед Красной армией. На практике, зачастую, гражданская прокуратура в тех губерниях, где нет военно-прокурорского надзора, но есть мелкие части (военные школы, теруправления, местные стрелковые части), обслуживает последние.

Теперь остановимся на практической работе прокуратуры в укреплении революционной законности в Красной армии, для чего, оставив другие функции прокуратуры, обратимся к обследованию двух задач: общего надзора за законностью и судебного надзора за приговорами военных трибуналов.

Укрепление революционной законности в армии.

Армия есть школа политического воспитания деревенского молодняка, а одним из видов этого воспитания, содействующего подъему культурного уровня масс, является воспитание в духе революционной законности. На докладе по вопросам советского строительства III Всесоюзному Съезду Советов тов. Калинин говорил: „внедрение законности означает поднятие культурного уровня масс, ибо лишь культурные рабочие и крестьяне будут добиваться восстановления своих прав, неграмотный же бедняк слишком занят необходимостью заработать себе пропитание тяжелым, необеспеченным трудом,—ему не до восстановления прав. Укрепление законности повышает культурность населения, его правосознание".

Укрепляя в армии революционную законность, мы дисциплинируем ее состав, ибо этим укреплением мы повышаем сознательность масс, доверие к командному составу, приучаем часть к неуклонному исполнению приказов и распоряжений начальников и в целом содействуем тем самым укреплению боеспособности армии. В буржуазных армиях взаимоотношения начальника и подчиненного основываются на полнейшем бесправии последнего. Солдат буржуазной армии несет на себе обязанность защищать капиталистов

своего государства, но, неся эту обязанность, он не имеет на время пребывания в армии прав гражданина и человека. Сознательный солдат буржуазной армии самый опасный для нее элемент, ибо он осознает свое бесправие, осознает, что борется за интересы своих классовых врагов. Вот потому-то в буржуазных армиях при содействии духовных вождей — попов, замазывающих классовые противоречия, воспитание солдата носит характер механического усвоения формулы „защиты отечества“, покоится на автоматическом несознательном исполнении приказаний начальника. В нашей армии красноармеец пользуется, кроме тех прав, которые принадлежат каждому гражданину (например, право избирать и быть избранным), еще дополнительными привилегиями (кодекс законов о льготах военнослужащим); в нем развивается высокая сознательность, и, чем выше она развита в нем, тем больше он чувствует необходимость выполнения распоряжений, приказов и уставов армии, потому что они издаются в соответствии с законами, соответствующими, а не противоречащими его классовому интересу. Он знает, что эти законы стоят на защите его прав.

Что значит революционная законность в применении к той или иной воинской части в армии? Это значит, во-первых, соответствие приказов и распоряжений командира законам Рабоче-Крестьянского правительства, уставам, регулирующим повседневную работу и внутренний распорядок в армии, и в целом приказам высшего руководящего армией органа — Революционного военного совета Союза ССР; во-вторых, строжайшее соблюдение военнослужащими данной части приказа командира, основанного на приказах вышестоящих начальников и соответствующих общему духу законов; в третьих, исполнение самими начальниками законов Рабоче-Крестьянского правительства.

Военной прокуратуре, проводящей наблюдение за выполнением закона, командование и политорганы обязаны оказывать полнейшее содействие. Свою чрезвычайно важную задачу военная прокуратура может проводить успешно лишь в случае теснейшей поддержки командования и политорганов, при широком содействии красноармейских масс. В. И. Ленин в своем письме о революционной законности придавал большое значение этой стороне работы прокуратуры. Они писал: „Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей Республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям... Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение местной власти не расходилось

с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение, при чем прокурор не в праве приостанавливать решения, а обязан только принять меры к тому, чтобы понимание законности устанавливалось абсолютно одинаковое во всей Республике"[1]).

Военная прокуратура при соответствующих частях осуществляет: а) общий надзор за законностью, имея наблюдение за законностью действий всех должностных лиц и учреждений данной части; б) судебный надзор за законностью, наблюдая за соответствием закону выносимых военными судами приговоров и определений.

Какими способами она осуществляет это наблюдение за законностью?

Во-первых, путем истребования от части копий приказов по части и распоряжений, имеющих руководящий принципиальный характер (кроме оперативных приказов). Военный прокурор рассматривает их не с точки зрения целесообразности, а с точки зрения соответствия законам и издаваемым в развитие их приказам РВС Союза ССР. Возьмем несколько примеров из области осуществления этой задачи прокуратурой.

В одном из приказов по одному из гарнизонов, отданном начальником гарнизона, прокурор прочитал, что военнослужащие, принадлежащие к старшему комсоставу, будучи в пьяном виде, появились в общественном месте и стали обращать на себя внимание публики. Один из военнослужащих другой части, но не принадлежащий к этой компании, в целях предупреждения дискредитирования звания военнослужащего обратился к этой группе с советом перестать безобразничать. Тогда они стали избивать этого военнослужащего и поведение их приняло характер пьяного дебоша на глазах многочисленных граждан, наблюдавших эту историю. В маленьком городе это стало предметом осуждения в продолжение 2—3 дней. Начальник гарнизона, указывая на это в своем приказе, подвергнул военнослужащих дисциплинарному взысканию — содержанию под арестом на разные сроки. Прокурор совершенно правильно поступил, опротестовав этот приказ, как противоречащий ст. ст. 105 и 109 УК с одной стороны и неоднократным приказам РВСР о строжайших мероприятиях по борьбе с пьянством военнослужащих, с другой. В чем же заключалось это противоречие закону? В том, что дисциплинарное взыскание налагается только в отношении военнослужащего, учинившего

---

[1]) В. И. Ленин—„О двойном подчинении и законности" („Правда" № 91 от 23/IV—25 г.).

проступок, но не преступление. Пьянство само по себе представляет один из тяжких видов проступка против порядка в Красной армии, но сопряженное с дискредитированием звания военнослужащего в глазах населения, вылившись в дебоше, оно по тяжелым последствиям для данной части представляет собой уже уголовно наказуемое деяние. Протест прокурора был удовлетворен, приказ по гарнизону отменен, а эти военнослужащие были преданы суду военного трибунала. Но прокурору иногда бывает ненужно опротестовывать приказ, если последний принципиально не расходится с законом, но заключает в себе некоторые редакционные неточности. Вообще же, прежде нежели подать протест высшему начальнику на не соответствующий закону приказ нижестоящего начальника, необходимо войти к последнему с указанием на его изменение или отмену и опротестовывать только тогда, когда начальник, издавший приказ, не согласится на предложение прокурора. В одном из приказов по части командир части в заключительном абзаце приказа указал: „Приказываю прокурору дивизии предать товарища такого-то суду военного трибунала за халатность". Прокурор, не подымая вопроса о протесте по этому приказу, вошел с предложением командиру, его издавшему, об изменении заключительной части приказа по следующим мотивам: а) командир допустил ошибку в редакционном изложении этого пункта, „приказав" прокурору, в то время как прокурор не является лицом, ему подчиненным; б) он вопреки инструкции РВС Союза ССР, объявленной в приказе РВС № 2024 о направлении дознаний, указал, во-первых, на предание суду, в то время как дознание должно быть „направлено на дальнейшее распоряжение участкового военного следователя", во-вторых, он просто сослался на „халатность" без пояснения, в чем она заключается. Командир, отдавший этот приказ, по представлению прокурора соответственно изменил его.

Во-вторых, военный прокурор осуществляет наблюдение за законностью путем рассмотрения поступивших к нему жалоб и заявлений военнослужащих на нарушение их прав органами как гражданской власти, так и войсковыми начальниками. Допустим, что красноармеец Петров подает жалобу прокурору при посещении им части на то, что командир взвода наложил слишком тяжелое взыскание, или что он наложил его несоответственно проступку. Прокурор проверяет, во-первых, был ли проступок со стороны кр-ца, во-вторых, не превысил ли командир своего права по наложению взыскания (не назначил ли больший срок, нежели тот, который он мог по закону назначить); убедившись в том, что

здесь был на-лицо проступок, а не преступление, что командир не превысил размером взыскания предоставленного ему по закону права наложения взыскания на подчиненных, обязан оставить жалобу без последствий, не имея права входить в оценку целесообразности назначенного взыскания. Раз оно наложено в соответствии с законом, то жалоба подлежит оставлению без рассмотрения.

До последнего времени командный состав склонен был, исходя из статьи 59 Временного дисциплинарного устава, к той мысли, что красноармеец не имеет права непосредственной подачи жалобы или заявления соответствующему прокурору, что такие жалобы должны быть поданы по команде. Этот взгляд в корне, однако, противоречил как положению о государственной прокуратуре, так и специальной инструкции военно-прокурорскому надзору, в которых одним из способов осуществления общего надзора за законностью было установлено право прокурора при посещении части принимать жалобы и заявления, а равно рассмотрение тех, которые поступают вообще в прокуратуру. Во-первых, ст. 59 устава ничего не говорит о прокуроре и о том, что ему жалобы подаются по команде. Прокурор не является лицом, наделенным административными правами, он по своим функциям не подходит под то, что в воинской части обозначается термином начальствующего лица. Устав говорит лишь по вопросу об установлении взаимоотношений между войсковым начальником и подчиненными ему. Он регулирует их взаимоотношения. Таким образом, надлежит притти к выводу, что красноармейцы имеют право подавать жалобы на нарушение их прав, кем бы то ни было, прокурору непосредственно. Но вместе с этим совершенно ясно, что прокурор чрезвычайно осторожно должен подходить к вопросу приема и рассмотрения жалоб. Он должен отнюдь не упускать из вида одной из важнейших практических задач в армии, — поднятия авторитета командного состава. Вместе с командованием и политорганами он должен стремиться привить красмоармейцу сознание того, что его командир есть первейшая инстанция, куда он должен итти за помощью по всем вопросам внутриармейского характера. В том случае, если нарушения прав красноармейца могут быть устранены непосредственно командиром части, прокурор не должен самостоятельно принимать меры по данной жалобе, а обязан направлять ее соответствующему начальнику со своим заключением, стараясь в возможных случаях сделать так, чтобы сам начальник или выше его стоящий восстановил нарушенное право воина. Это, конечно, не лишает прокурора права проверить и проследить за окончательным

разрешением жалобы. Возьмем пример. Красноармеец Н-ского полка жалуется в заявлении прокурору, поданному в прокуратуру, на перебои в довольствии или на непорядки на кухне. Прокурор должен препроводить это заявление командиру полка. Возьмем другой пример. Красноармеец жалуется прокурору на то, что в части какой-либо командир взвода или роты оскорбляет красноармейцев бранью и т. д. Прокурор обязан это заявление препроводить вышестоящему начальнику для производства дознания и наложения дисциплинарного взыскания, если жалоба дознанием будет подтверждена и если она подтвердит, что данное деяние, имевшее место, носило характер проступка.

Само собой разумеется, что те заявления, которые носят характер заявления о совершении начальником уголовно-наказуемого деяния, должны немедленно рассматриваться прокурором, и их он в праве препроводить соответствующему участковому следователю для назначения или дознания, или следствия.

Указанные способы осуществления надзора за законностью являются посредственными способами. Помимо этих способов, военная прокуратура ведет наблюдение путем непосредственным, т.-е. присутствуя на заседаниях и высказывая свое мнение о соответствии или несоответствии закону принимаемого решения (например, на военно-окружном совещании), и посещая части и знакомясь на месте (в ротах, полках) с состоянием дисциплины, преступности и в целом с политико-моральным состоянием части. Беседуя с комполитсоставом, прокурор проверяет свои выводы по мнению первого о части и, исходя из них, он делает те или иные исправления в судебной политике по отношению к ней.

Мы уже останавливались на том, что укрепление революционной законности должно итти не только по линии наблюдения за выполнением законов и приказов, но и иметь в основе работу по правовому воспитанию красноармейской массы в духе революционной законности, т.-е. выполнение той задачи, которая в постановлении III Всесоюзного Съезда Советов называется работой по ознакомлению населения с законами. Эта задача правовой пропаганды проводится всеми политорганами в армии при активном участии военно-судебных органов. Она проводится организацией консультаций в частях по правовым вопросам, постановки докладов прокуратуры о задачах военно-судебных органов и разъяснений законов, разъяснением основного закона нашего государства — конституции СССР на политчасах и, наконец, освещением в красноармейской печати этих вопросов красноармейцам. В области проведения этой политико-просвети-

тельной работы прокуратура должна установить особенно тесную увязку с политорганами и проводить ее на фоне тех планов политпросветработы, которые выработаны на данный период. Она должна принять участие в выработке этих планов и решительно настаивать на включении в эти планы работы по правовому просвещению масс. Эта сторона работы даст аппарату прокуратуры возможность теснее связаться с массами, даст всей работе живой, а не бюрократический характер. Прокурор, появляясь в частях, давая ответы на те или иные вопросы, интересующие часть, оказывая содействие в разрешении правовых нужд красноармейцам, помогая всем авторитетом прокуратуры восстановить нарушенный закон, выступая перед красноармейской массой с пропагандой закона и задач прокуратуры, тем самым заставит массы видеть в своем лице не только что-то страшное, отдающее под суд и т. д., а охранителя их интересов и прав, предоставленных законом. Чем сильнее будет у прокуратуры установлена связь с комполитсоставом и данной частью, тем авторитетнее будет ее аппарат, тем легче ему будет справиться с большими задачами, которые на него возложены.

Ниже мы подробно остановимся на двух важнейших вопросах жизни армии — дисциплине и судебной политике, как практическом осуществлении той борьбы за законность в армии, которая определяет правильное направление борьбы с нездоровыми явлениями в ней.

ДИСЦИПЛИНА В КРАСНОЙ АРМИИ

Значение дисциплины

Выше мы уже говорили, что основа всех основ революционной законности в Красной армии — воинская дисциплина. Каково значение дисциплины, и чем держится она в Рабоче-Крестьянской Армии? Есть ли дисциплина пережиток старого капиталистического строя, лишь перенесенный на новую почву, приспособленный к новым условиям — к условиям диктатуры пролетариата? Вот те вопросы, на которые мы должны прежде всего дать ответ.

В. И. Ленин говорил: „Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. *Коммунистическая* организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и, чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов“ [1]) (курсив наш).

Дисциплина палки, дисциплина голода заменяется в социалистическом строе свободной и сознательной дисциплиной трудящихся. Тем более эта сознательная дисциплина необходима трудящимся в переживаемый нами переходный период от капитализма к коммунизму, в период диктатуры пролетариата. Сложна обстановка строительства социализма в стране, окруженной вооруженными до зубов капиталисти-

---

[1]) Ленин—Собр. соч., т. XVI, стр. 248.

ческими державами, в стране, где пролетариат является меньшинством, а подавляющим большинством является распыленное, неорганизованное крестьянство; твердая сознательная дисциплина должна быть поэтому не только в руководящей страной коммунистической партии, но и в пролетарских организациях, в профессиональных союзах, в советских аппаратах, во всех органах диктатуры пролетариата, призванных в той или иной мере осуществлять эту диктатуру и вести Союз Советских Республик не назад к капитализму, а вперед к социализму.

Твердая революционная дисциплина нужна нам и в Красной армии, первой в мире Рабоче-Крестьянской армии. В отличие от армий буржуазных государств Красная армия создана не для порабощения других народов и не для поддержки эксплоатации кучкой капиталистов и помещиков миллионов рабочих и крестьян, а для защиты пока единственного в мире Рабоче-Крестьянского государства, для борьбы с классами паразитов во имя власти трудящихся.

Дисциплина в Красной армии — сознательная революционная дисциплина трудящихся, а не дисциплина из-под палки, основанная на классовом подчинении обманутых рабочих и крестьян офицерству из помещиков и буржуазии. Великий гений и вождь пролетариата В. И. Ленин так характеризовал дисциплину Красной армии: „Революция была пробуждением к новой жизни миллионов народов... массы, истомленные, истерзанные четырехлетней войной, в феврале и марте (1917 г.) требовали мира и прекращения войны; они не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война. Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов Рабоч. и Кр. Депутатов, если они теперь идут на величайшее самопожертвование, если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый раз в сознании десятков миллионов рождается и родилась новая социалистическая дисциплина [1]). Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу: „Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны“. Старый прусский монарх был неглупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: „Мы можем вести войну, потому что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяжести“ и т. д. [2]). Это мы должны всегда помнить. В тяжелые годы гражданской

---

[1]) Ленин—Собр. соч., т. XV, стр. 439—440.
[2]) Ленин—Собр. соч., т. XVI, стр. 68.

войны, войны изнурительной, в годы голода и тифа дисциплина в Красной армии основывалась на том, что „массы знают, за что воюют“; крестьяне знали, что они воюют за землю против помещиков, рабочие знали, что воюют за заводы и фабрики, за свободу и социализм. Это может быть плохо сознают, но должны осознать (им надо это разъяснить) молодые красноармейцы, пришедшие в армию после гражданской войны.

Однако, не только в знании целей войны отличие Красной армии от бывшей царской и вообще буржуазных армий. Резко отличается она от них и по своему классовому составу. В то время как в буржуазных армиях солдаты рекрутируются из рабочих и крестьян, а офицерство сплошь буржуазно-помещичье, и таким образом армия основывается на классовом подчинении солдат офицерам; солдат-рабочий или крестьянин находится под гнетом, под палкой офицера-помещика или капиталиста,—у нас в Красной армии нет классового гнета. Наши командиры в большинстве своем вышли из рабочих и крестьян, а те из командиров, которые перешли к нам из старой царской армии, в качестве военных специалистов, уже не являются ни помещиками, ни капиталистами. Они находятся на службе Рабоче-Крестьянского государства и осуществляют его задачи.

Ст. 1 „Закона об обязательной военной службе“ гласит: „Защита Союза ССР является обязанностью всех граждан Союза. *Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися.* На нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей“.

Таким образом, нетрудящиеся (торговцы, духовенство, нэпманы и кулаки) не пользуются правом ношения оружия, и Красная армия действительно является *Рабоче-Крестьянской армией,* армией трудящихся. Вот почему, с полным на это правом, ст. 4 „Введения“ к Дисциплинарному уставу РККА говорит: „В армии монархий и буржуазно-помещичьих республик дисциплина зиждется на классовом подчинении рядовых солдат дворянско-буржуазному офицерству. Чем менее сознателен солдат капиталистической армии, тем он лучше выполняет обязанности защитника капиталистического строя. Дисциплина Красной армии есть новая дисциплина Рабоче-Крестьянского государства; она основана не на классовом подчинении, а на сознательном понимании всеми военно-служащими цели и значения Рабоче-Крестьянской Красной армии. Чем более сознателен воин Красной армии, тем он лучше выполняет свои революционные обязанности перед социалистическим государством, тем более боеспособной является Рабоче-Крестьянская Красная армия“. Каждый

воин должен понимать цель и задачу Красной армии. Цель Красной армии — защита Советских Республик. Задача Красной армии — быть во всякое время готовой к этой защите, быть боеспособной.

Армия — инструмент войны, а не мира. В мирное время армия подготовляет себя лишь к возможной будущей войне. В переживаемых ныне условиях война не только возможна, она почти неизбежна; неизбежна война капиталистических держав между собой; неизбежна классовая война отживающих капиталистических держав против Советских Республик. Данную нам историей „передышку“ нужно использовать для подготовки к будущим классовым битвам. Нужно создать боеспособную армию, а боеспособность зависит не только от технической подготовленности армии, но и от ее „морального состояния“, в котором первое место занимает дисциплина. Связь между дисциплиной армии и ее боеспособностью самая тесная. Неразрывная также связь существует между дисциплиной армии в мирное время и ее дисциплиной, а следовательно, и боеспособностью, в военное. „От степени устойчивости дисциплины в армии в мирной обстановке зависит в значительной степени уровень дисциплины, ее устойчивость, во время войны, в боевой обстановке“, — читаем мы у А. Бубнова [1]). Следовательно, вопрос о дисциплине — вопрос боеспособности, мощи, жизни Красной армии. Без дисциплины нет армии.

Почему во весь рост вопрос о дисциплине встал перед нами в начале 1925 года? Нам кажется, что взятый в армии курс на укрепление дисциплины имеет связь с курсом на укрепление революционной законности. Точно так же, как переход к методам революционной законности свидетельствует об общем росте и подъеме хозяйства всей страны, курс на укрепление дисциплины свидетельствует о росте, и значительном росте, Красной армии. 1924 год войдет в историю Красной армии, как год военной реформы.

Нужно сказать, прежде всего, что, помимо внутренней необходимости реорганизовать армию, эта реорганизация диктовалась также общими условиями материального состояния нашей страны. Армия должна уложиться в определенные рамки бюджета — рамки довольно скудные. Вместе с тем довольствие и условия быта воинских частей требовали значительного улучшения. Материальное положение командно-политического состава также не могло оставаться на том же месте. Надо было кадровые части армии сократить, сжать штаты обслуживающих армию управлений и учре-

---

[1]) Бубнов — „1924 год в военном строительстве“, стр. 163.

ждений и освободившиеся таким образом средства обратить на улучшение материального состояния армии и ее техники.

При этом сокращении основное, понятно, не могло забываться: после сокращения и реорганизации готовность и боеспособность армии не только не должна была понизиться, а, наоборот, повыситься. В связи с этим стал во всей широте вопрос о милиционно-территориальном строительстве. При минимальных затратах народных средств территориальные дивизии, а также допризывная подготовка, должны вовлечь и подготовить все трудовое население к делу обороны страны. Здесь, в территориальных дивизиях, смычка рабочих и крестьян выявляется на новой основе, и перед рабочим классом, как руководителем, становятся новые задачи.

Опыт территориального строительства вполне себя оправдал. III Съезд Советов Союза ССР своим постановлением по докладу т. Фрунзе „О Красной армии" заявил: „Съезд признает, что территориальная система получила свое принципиальное признание в рабоче-крестьянских массах, и, облегчая тяготы населения и государственного бюджета по содержанию вооруженных сил, является в то же время лучшим способом смычки рабочих и крестьян. Съезд подтверждает, что создание крепких, сплоченных революционно-боевым духом и хорошо подготовленных территориальных частей осуществимо лишь при полном и постоянном содействии в этом военному ведомству со стороны государственного аппарата, а также и всех общественных и профессиональных организаций".

Введенный в действие постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 18 сентября 1925 года закон об обязательной военной службе окончательно закрепляет проведенную реорганизацию и вводит в систему военной службы: 1) допризывную подготовку, 2) действительную военную службу в кадровом составе частей РККА, 3) действительную военную службу в переменном составе территориальных частей РККА, 4) действительную военную службу граждан, проходящих обучение вневойсковым порядком. Иначе говоря, закон о военной службе устанавливает нормальный и определенный порядок укрепления армии и прохождения службы всеми военнослужащими, как красноармейцами, так и начальствующим составом.

Реформа армии пошла по линии внесения в дело военного строительства больше плановости и изжития остатков, вернее пережитков периода „военного коммунизма". „Мы вводим в армию те поправки, которые в хозяйстве страны введены три года тому назад, т.-е. мы с нынешнего года

начинаем осуществлять в нашем армейском хозяйстве новую экономическую политику более тесно и последовательно, чем до сих пор" [1]).

Первый период после окончания гражданской войны был периодом демобилизации и сокращений, начатых по инициативе Рабоче-Крестьянского правительства в целях возвращения к станкам рабочих и к мирному труду крестьян и одновременного облегчения тяжелого бремени содержания большой армии, лежавшего на государстве. С призывом в армию молодняка, рожд. 1902 года, можно было приступить к реорганизации армии — внесением в нее элементов плановости. Окончательно, можно сказать, армия приступает к своему плановому строительству, в условиях мирной обстановки, лишь теперь — с призывом рожд. 1903 г. с установлением 2-хгодичного срока службы, с изданием закона об обязательной военной службе, с упрощением и улучшением центрального аппарата армии, с децентрализацией снабжения и т. д. Наконец, последнее по счету, но не по важности, достижение реформы — выдвижение военной молодежи, т.-е. привлечение к делу военного строительства и руководству на ответственных постах молодых командиров, испытанных в боях гражданской войны.

Из всего сказанного нетрудно сделать вывод, что военная реформа и переход армии к нормальным условиям строительства и боевой подготовки в обстановке мирного времени не могли выдвинуть вопроса о воинской дисциплине, как основе организованности, мощи и боеспособности армии. „Не думайте, что вопрос о дисциплине поставлен только уклонением от дисциплины. Вопрос выдвинулся потому, что сейчас мы строим РККА, строим на тех же началах, строим при помощи той же системы органов, но строим в обстановке не войны, а в обстановке мира, —поэтому вопрос дисциплины и выдвигается сейчас, как вопрос важнейший" [2]).

К этому нужно еще добавить два момента. Первое — международная обстановка диктует нам не медлить с повышением обороноспособности страны, с укреплением армии, с усовершенствованием ее техники, с применением в армии новейших научных достижений. Это все, в свою очередь, требует повышения сознательности каждого воина, повышения его дисциплинированности. Второе — внутренняя обстановка и соотношение классов. Общий под'ем благосостояния нашей страны и бурный рост нашего хозяйства сопровождаются ростом активности рабочего класса, крестьян-

---

[1]) Бубнов — „1924 год в военном строительстве", стр. 21.
[2]) Бубнов — „1924 год в военном строительстве", стр. 143.

ства, всех слоев населения. Поднимается активность не только направленная в сторону укрепления Советской власти и оживления деятельности ее органов, но и активность враждебных нам группировок,—кулацкая, нэпманская активность.

Наша армия в большей своей части крестьянская по составу. С каждым новым призывом, молодняк приносит в армию свою крестьянскую активность. В прениях на совещании секретарей ячеек при Пур'е — 26 февраля — 3 марта 1925 года — говорилось: „Мы замечаем известную политическую любознательность кр-ца. Активность, это — движение вперед, но эта активность, если только мы недостаточно овладеем ею и не направим по правильному пути, может вылиться в отрицательные формы, чуждые нам . . Иногда мы приспосабливаемся к крестьянской психологии кр-ца, стремимся подладиться под эту психологию, а нужно, наоборот, нужно эту крестьянскую психологию довести до осознания общих интересов“ [1]). Осуществляя смычку рабочего класса с крестьянством, мы никогда не должны забывать, что руководителем в этой смычке должен быть рабочий класс.

Методами революционной законности рабочий класс должен осуществлять свое руководство деревней, направляя активность крестьянства в сторону оживления советов и укрепления Советской власти — диктатуры пролетариата. Методами революционной законности, методами революционной воинской дисциплины должно руководить крестьянской массой в Красной армии, направляя активность красноармейской массы в сторону осознания целей и задач Красной армии, в сторону укрепления мощи и боеспособности Красной армии и, тем самым, укрепления диктатуры пролетариата.

Проводники дисциплины

Об общих целях и задачах воинской дисциплины мы уже говорили. Конкретно эти цели сформированы в ст. 2 Дисциплинарного устава РККА: „Воинская дисциплина имеет цель выработать в каждом военнослужащем: выдержку, твердость воли, находчивость, расторопность, привычку переносить лишения и тяготы боевой жизни, добросовестность и способность к самопожертвованию“. Без этих качеств не может быть боеспособной армии. В чем же сущность воинской дисциплины?

---

[1]) Стенографический отчет, стр. 126.

„Воинская дисциплина есть точное соблюдение порядка, установленного в Рабоче-Крестьянской Красной армии законами и уставами и поддерживаемого приказами и распоряжениями начальников“ (ст. I Дисц. устава). Воинская дисциплина требует от всех военнослужащих сознательного усвоения и точного выполнения уставов, полного и постоянного повиновения начальникам, беспрекословного исполнения их приказов и сохранения военной тайны“ (ст. 3 Дисц. устава). Каждый военнослужащий должен знать, что конкректно дисциплина находит свое выражение исключительно в сознательном и добросовестном выполнении законов, уставов, приказов и приказаний.

Наши законы, уставы и приказы в Красной армии вырабатываются Рабоче-Крестьянской властью и значит, направлены к укреплению диктатуры пролетариата. Наши законы, уставы и приказы — революционные законы, ибо революцией они рождены и для закрепления завоеваний революции они существуют.

Ошибкой было бы думать, что сознательность дисциплины противоречит внешнему проявлению ее, внешнему порядку. В блестящей речи „Ленин и Красная армия“ на торжественном заседании военной академии РККА Михаил Васильевич Фрунзе говорил: „У нас нередко наблюдается отношение к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку, как к чему-то вредному, нереволюционному и ненужному. Это — абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем порядке. Добиваться этого порядка мы должны, и здесь совершенно неизбежны известные элементы муштры и административного нажима... Ленинский подход не в том, чтобы пренебрегать необходимыми внешними элементами дисциплины, а в том, чтобы эти внешние элементы не делать *основою* дисциплины“ [1]).

На ком лежит обязанность внедрения в сознание всей красноармейской массы законности, дисциплины? В первую голову, на командно-политическом составе — руководителе Красной армии. Революционная дисциплина (революционная законность тож) должна пропитать армию сверху донизу, снизу доверха. Командно-политический состав это те приводные ремни, которые соединяют Рабоче-Крестьянское правительство с красноармейскими массами. Политический состав еще, кроме того, служит приводным ремнем от партии к массам.

---

[1]) М. Фрунзе—„На новых путях“, стр. 25.

В упомянутой уже речи тов. Фрунзе, приводя данный В. И Лениным анализ понятия „дисциплина", намечает три условия, которые необходимо всегда помнить командному и политическому составу при внедрении дисциплины в ряды Красной армии: „Первое условие, это — самоотверженность и стойкость командного и политического состава; второе условие — сохранение живой органической связи этого командного состава с красноармейской массой и третье, — чтобы эта красноармейская масса видела на практике, на деле правильность нашего руководства. Только наличие этих условий даст ту почву, на которой боевое воспитание армии принесет должные результаты и приведет к созданию крепкой, сплоченной, сознательной, революционной, дисциплинированной, вооруженной силы".

Нам кажется, что этот завет вождя Красной армии должен всегда висеть перед глазами каждого командира и политработника. Если вы хотите иметь дисциплинированную воинскую часть, руководите ею так, чтобы красноармейские массы видели на практике правильность вашего руководства. Напрасно требовать дисциплины, если руководство никуда не годится, если правильности этого руководства красноармейские массы не видят. Бесполезно также требовать от воинской части дисциплинированности, если не дисциплинированны ее командиры и политработники. Командир и политработник служат примером для массы. Малейшая недисциплинированность в их среде вредно отражается на дисциплине части. Расхлябаны командиры — расхлябана воинская часть. Можно привести один пример. Каждому понятно, насколько опасно для дисциплины и вообще для существования армии появление пьянства среди красноармейцев. К великому нашему счастью, Красная армия в массах этим злом не заражена. Однако из практики мы знаем, что достаточно появиться командиру среди бойцов в нетрезвом виде, как пьянство переносится в среду красноармейцев и становится в данной воинской части угрожающим явлением. Командно-политический состав является организующим, сплачивающим армию ядром. Вполне естественно, что он должен быть примером, образцом дисциплинированности. Внедряя в сознание красноармейских масс революционную законность, необходимо, прежде всего, самому относиться с уважением к революционным законам и быть их исполнителем.

К сожалению, в этом отношении у нас не все обстоит благополучно. „Исконно-русский взгляд и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской" не должны находить отражения в Красной армии. У нас нет еще полного понимания

и достаточной дисциплинированности среди младшего и среднего комсостава. Вот почему нам кажется, что подобно тому, как взятый партией и Советской властью курс на укрепление революционной законности направлен в первую голову на внедрение законности в низовой государственный аппарат, необходимость дисциплины должна быть, в первую голову, внедрена в сознание командно-политического состава.

Каждому командиру можно сказать: „Требуя исполнения приказов и распоряжений от своих подчиненных, научись сам неуклонно выполнять законы Советской власти и приказы вышестоящих начальников, и тогда вверенная тебе часть будет пропитана духом революционной дисциплины сверху донизу".

Будет неточно, если мы отнесем к организующим силам в Красной армии, к проводникам революционной законности и дисциплины исключительно командно-политический состав. Есть еще одна сила — сила немаловажная, сила, охватывающая единым кольцом начальствующий и красноармейский состав. Мы имеем в виду — партию.

Какую роль играла партия в Красной армии в эпоху гражданской войны — это каждому командиру известно. Об этом необходимо подробно рассказать каждому молодому воину — члену ВКП или члену ВЛКСМ. Каждый молодой воин должен знать, что коммунистическая партия, стоявшая во главе пролетариата в Октябрьских боях на баррикадах, была также всегда в авангарде в Красной армии во время ее боев с белыми гвардиями. Каждый воин должен знать, что коммунист обязан быть образцом дисциплинированности в армии и показывать примеры самопожертвования, когда это требуется. Кому сейчас неизвестно, что нет в мире партии или организации, равной по своей дисциплине коммунистической партии.

К дисциплине в партии неприменимы методы административного нажима, ибо каждый, несогласный с дисциплиной в партии, волен оставить ее. Дисциплина в нашей партии есть образец сознательной дисциплины: она покоится на единстве революционной теории, имя которой ленинизм, на единстве воли. Без железной и в то же время идейной дисциплины в партии немыслима была бы ее победа в Октябре, а затем в гражданской войне, немыслимо было бы руководство страной в капиталистическом окружении и движение к социализму.

Партийные ячейки в армии, спаянные железной дисциплиной в своих рядах, должны способствовать и способствуют общевоинской дисциплине. Каждая партийная ячейка

в Красной армии, стоя в авангарде беспартийных красноармейских масс, должна являться и является носительницей революционной законности и дисциплины. Если командный состав призван сплачивать армию административными методами, то коммунистические ячейки то же дело сплачивания армии должны проводить методами агитации и пропаганды.

Нельзя противопоставлять дисциплину партии воинской дисциплине. „Партдисциплина в армии является подсобным средством для укрепления дисциплины воинской" (Бубнов). Молодые члены партии и воины не всегда это осознают и пытаются переносить в армию методы гражданских организаций, проитиворечащие воинской дисциплине. Тов. Фрунзе в своей статье „Несколько слов о дисциплине" [1]) приводит такой пример: „шедшая в походном порядке во время территориальных сборов одна рота сильно растянулась, несмотря на принимаемые командиром меры. Командир сделал в резкой и грубой форме замечание. Коммунисты-переменники немедленно устроили нечто в роде собрания ячейки и вынесли командиру порицание". „Правда,—говорит тов. Фрунзе,— и командиру следовало бы более владеть собою, но поведение указанных товарищей, конечно, является абсолютно недопустимым и указывающим на полное непонимание требований дисциплины в Красной армии". Это имело место в территориальной части и свидетельствует о том, что коммунисты, не прошедшие еще военной школы в Красной армии, не уловили связи партийной дисциплины с воинской.

Партийная дисциплина требует от каждого члена партии в Красной армии быть самому дисциплинированным и проводником дисциплины среди беспартийных красноармейских масс. Решение XIV партийной конференции об укреплении революционной законности обязует к этому всех членов партии в армии.

Ближайшим помощником партийных ячеек в этом деле укрепления революционной законности в армии, т.-е. воинской дисциплины, должен явиться ленинский комсомол. „Мы должны добиваться того, чтобы создать из комсомола в армии „около-партийный слой первого разряда" (Бубнов). Если принять во внимание, что процент насыщения рядового состава армии комсомолом значительно выше процента партийного насыщения, то станет понятным, какое огромное значение может иметь комсомол, как помощник партии в борьбе за дисциплину, за законность. Комсомол перестанет быть „ленинским", если он не будет прислушиваться к голосу

---

[1]) М. В. Фрунзе — „На новых путях", стр. 77.

ленинской компартии и не будет осуществлять заветы Ленина, к главным из которых принадлежит — „Укрепление Красной армии“.

Если нас спросят, каковы главные задачи партийных ячеек и комсомола в армии в деле укреплении революционной законности, мы ответим — в выполнении резолюции, принятой совещанием секретарей ячеек (февраль 1925 г.) по докладу тов. Бубнова, которая гласит: „Признавая, что основной задачей всех партийных организаций армии и флота является неустанная работа по укреплению и поднятию воинской дисциплины, совещание выдвигает перед всеми партийными организациями следующие задачи: 1. Добиться, чтобы каждый партиец и комсомолец являлся на деле образцовым военнослужащим, показывающим красноармейской массе пример выполнения всех требований дисциплины и служебного долга. Случаи нарушения дисциплины и халатного отношения к службе партийцев и комсомольцев должны караться как в административном, так и в партийном и союзном порядке“.

Дисциплинарная политика

В деле укрепления дисциплины не последнее место занимает вопрос о дисциплинарной политике командно-политического состава.

Говорить о недопустимости применения в Красной армии палочной дисциплины, кулачной расправы или ругани в обращении с подчиненными — не приходится. Это — методы классового подчинения, царствовавшие в царской армии и отражавшие классовый гнет помещичье-капиталистической России. Если в начале формирования Красной армии были опасности, что эти методы будут перенесены в армию старыми офицерами, то сейчас этой опасности нет. В Красной армии палочной дисциплины и кулачной расправы нет и быть не может.

Опасность, нам кажется, может быть в другом — в недостаточном понимании, какими методами лучше всего внедрить в массы Красной армии сознательную революционную дисциплину. Об этих методах мы хотим и поговорить.

Прежде всего, что обозначает термин „дисциплина“. „Дисциплина“ происходит от латинского слова „discere“ — учиться, а потому по точному смыслу „дисциплина“ — учение или выучка. Если по нашему Дисциплинарному уставу воинская дисциплина есть соблюдение порядка в Красной армии, установленного законами, приказами и т. д., то дисциплинарная политика должна заключаться в выборе тех

методов, какими лучше всего можно обучить весь состав военнослужащих соблюдению установленного в армии порядка.

Иногда вместо термина „дисциплинарная политика" употребляют термин „карательная политика". Это неверно и свидетельствует о полном непонимании дисциплинарной политики. Не карательными мерами (кстати этот термин уже изживается и в уголовном праве) можно выработать в каждом военнослужащем выдержку, твердость воли, находчивость и т. д., как этого требует наш Устав, а соответствующими мерами воспитательного характера. Эти воспитательные меры требуют от нас применения в некоторых случаях поощрения к тем, кто отличился, и взыскания к нарушителям порядка. Вот почему Дисциплинарный устав предусматривает, наряду с взысканиями, виды поощрений, какие могут применяться в армии.

Сами взыскания, предусмотренные Уставом, отнюдь не являются в отношении нарушителя порядка „возмездием", „карой" или „наказанием", а исключительно мерой воспитания. Дисциплинарные взыскания, „*являясь мерой воспитания и укрепления навыков и качеств сознательного гражданина-воина,* применяются за проступки" и т. д., говорит ст. 8 Устава дисциплинарного.

Однако, взыскания и поощрения — не единственные меры воспитания. Глубоко ошибочным было бы предполагать, что дисциплина в армии может быть установлена или укреплена исключительно дисциплинарными взысканиями и поощрениями. Дисциплина складывается из совокупности всех мер воспитательного характера, среди которых не последнее место занимают взаимоотношения красноармейцев с начальствующим составом, красноармейцев между собой и начальствующего состава между собой.

Не нужно доказывать, что действительным начальником может являться лишь тот, кто пользуется моральным и служебным авторитетом. Очень плохо, если этого авторитета пытаются достигнуть путем „подмазывания" к своим подчиненным или игрой на дешевую популярность. Этим можно достигнуть лишь кажущегося авторитета, но не действительного. Действительный авторитет может быть достигнут лишь при правильном, основанном на Уставах, взаимоотношении начальников с подчиненными и наоборот.

Гибельно могут отразиться на авторитете начальствующего состава, а следовательно на дисциплине части, грубые или неправильные взаимоотношения или пререкания начальствующего состава между собой. „Высшие начальники не в праве отменять или уменьшать дисциплинарное взыска-

ние, определенное нижестоящими начальниками, если последние не превысили своих прав“ (ст. 37 Устава). Служебный авторитет начальника может быть в значительной степени подорван, если вышестоящий его начальник будет делать ему замечания и указывать на ошибки в присутствии подчиненных, тем более, если эти указания будут делаться в грубой форме. Особенно, нам кажется сейчас необходимо обратить внимание на авторитет младшего комсостава.

Нам кажется, что должный моральный и служебный авторитет среднего и младшего комсостава может быть достигнут предоставлением ему больше прав и ответственности, вернее, неумалением предоставленных ему законом прав и неснятием с него ответственности. Неиспользование им своих прав, снятие с себя ответственности и прятание за спиной старшего начальника подрывает авторитет младшего и среднего начсостава.

С тенденциями старшего комсостава отдавать приказания, минуя нижестоящих командиров, также необходимо бороться.

Устав предоставляет дисциплинарные права, как в отношении наложения взысканий, так и в отношении поощрений, командиру отделения, помкомзвода, старшине и командиру взвода. Эти права должны быть использованы в полном об‘еме. Незачем передавать на разрешение вышестоящего начальника вопрос, который может быть разрешен своими правами. Укрепление революционной законности требует от нас, чтобы каждый пользовался предоставленными ему законом правами, не уклоняясь от этих прав, как и от ответственности за правильное пользование ими. Это относится уже не только к младшему комсоставу, но и ко всем начальникам в Красной армии.

Боязнь использования всех своих прав, боязнь ответственности приводит к полной безответственности и к бюрократизму. От начальника требуется, чтобы он был начальником, а не уговаривающим. Его требования, распоряжения должны быть законны, должны быть продуманы до их отдачи, но раз отданное распоряжение должно быть безоговорочно исполнено. „Каждый красноармеец должен быть воспитан в сознании необходимости беспрекословного, быстрого и точного исполнения всех служебных распоряжений. В этом отношении никаких поблажек со стороны командного и политического состава допущено быть не может“ (Фрунзе). Неисполнению подлежат исключительно те приказы, которые направлены против Советской власти или преступны по своему содержанию.

Чтобы воспитать военнослужащих в духе безоговорочного исполнения приказов и приказаний, необходимо установить проверку исполнения их. Практика судебной работы нам показала, что в этом отношении не все обстоит благополучно, в особенности среди начальствующего состава. Приказы отдаются, но не всегда исполняются, и чаще всего отдавшему приказ неизвестно, исполнен ли он. „Всуе декреты писать, если их не выполнять“ — говорил тов. Ленин.

Необходимо в каждой воинской части сверху донизу установить такой порядок, чтобы исполнение каждого приказа и приказания было обеспечено. Лишь тогда армия будет воспитана в духе революционной законности, и всякое неисполнение служебного распоряжения командира будет рассматриваться не только судебными органами, но и всеми военнослужащими как „величайшее преступление перед законом“ (Фрунзе). Между тем, нам еще приходится часто наблюдать случаи, что по одному и тому же вопросу командиру дивизии, примерно, приходится отдавать два-три, иногда и больше, приказа в течение нескольких месяцев, и, все-таки, ни у кого нет уверенности, что требования приказа в полках выполнены. Это относится, главным образом, к приказам административно-хозяйственного характера.

В сознание каждого военнослужащего должно войти твердое убеждение, что ни одно неисполнение приказания, как бы оно на первый взгляд ни казалось незначительным, не может оставаться для армии безразличным. На каждое неисполнение приказа, приказания или распоряжения, а также нарушение установленного в армии порядка, необходимо реагировать тем или другим путем и по возможности в кратчайший срок. Оставление без внимания неисполнения приказа или нарушения порядка нужно рассматривать так же, как „величайшее преступление перед законом“ или перед дисциплиной в Красной армии, что фактически одно и то же.

Какими же методами реагировать? Дисциплинарный устав на этот счет дает нам указание. Эти методы, способы реагирования начинаются „предупреждением“ и кончаются преданием суду военного трибунала. При применении дисциплинарных взысканий необходимо только помнить, „что революционная дисциплина Красной армии *механической быть не может.* Наш красноармеец не прежний царский солдат, затыканный и запуганный до потери чувства собственного достоинства и являвшийся простой машиной в руках начальства. Такого солдата нам не нужно. Наш красноармеец — полноправный гражданин Республики“ [1]).

---

[1]) Фрунзе — „Несколько слов о дисциплине“.

Закон (Устав) не может, не должен давать и не дает нам указаний, какое правонарушение должно повлечь за собой применение того или другого дисциплинарного взыскания, ибо характер налагаемого начальником взыскания должен зависеть не только и не столько от характера правонарушения, сколько от того, кто является правонарушителем.

В некотором смысле можно было бы провести аналогию между Дисциплинарным и Уголовным правом. Уголовный закон требует, чтобы для определения меры социальной защиты учитывались степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, что должна изучаться обстановка совершенного преступления, выясняться со всех сторон личность преступника и мотивы совершения преступления, а также, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности. В общем, такой же подход должен быть и при определении меры взыскания в отношении правонарушителя. Прежде всего, начальнику должна быть ясна картина совершенного правонарушения; насколько оно является в данной части массовым или вообще опасным явлением, а затем, и это особенно важно, что́ из себя представляет правонарушитель.

Нетрудно понять, что от этих обстоятельств чаще всего зависит решение: предать правонарушителя суду (употребляя этот неверный, но общепринятый термин) или разрешить вопрос в дисциплинарном порядке. Об этом подробнее мы будем говорить в следующей главе. Здесь же нам важно установить только, что механического подхода к наложению взыскания быть не может, — каждого правонарушителя, как и каждое правонарушение, необходимо индивидуализировать. „Меры дисциплинарного взыскания должны, как правило, применяться в порядке постепенности при непременном учете умственных, нравственных и физических качеств и времени пребывания на службе совершившего проступок, а также обстановки, в которой произошло нарушение дисциплины“ (ст. 40 Устава). Заслуживают ли одинакового взыскания за один и тот же проступок красноармеец, прослуживший в армии год и только недавно призванный в армию? Конечно, нет. Подлежат ли одинаковому взысканию дисциплинированный красноармеец неподвергавшийся взысканиям, и красноармеец, подвергавшийся взысканиям неоднократно? Конечно, нет. Подлежат ли одинаковому взысканию красноармеец, совершивший проступок сознательно и совершивший его в силу невежества, несознательности или просто в силу незнания установленных правил? Тоже нет (мы здесь для

упрощения употребляем термин „красноармеец“, но это остается верным по отношению к военнослужащим вообще).

В деле воспитания воина постепенность в выборе меры взыскания имеет огромное значение. Нельзя за первый проступок прибегать к суровым мерам взыскания — нарядам или арестам. В особенности необходим внимательный подход к молодым воинам. „Предупреждение“, „напоминание“, „замечание“ — вот меры взыскания, которые должны на первых порах остерегать воина от попыток сознательного или бессознательного нарушения установленного в армии порядка. Лишь после неоднократных предупреждений, напоминаний и замечаний можно прибегать к следующим по постепенности мерам: выговор, выговор перед строем, воспрещение отлучек и т. д.

К внеочередным нарядам, а в особенности к аресту и ко взысканиям, которые следуют в порядке постепенности по Уставу после арестов, нужно прибегать как можно реже и исключительно в отношении правонарушителей, неоднократно уже подвергавшихся дисциплинарным взысканиям. Частое применение суровых мер дисциплинарного воздействия может дать обратные желательным результаты, так как это орудие укрепления дисциплины может в данной воинской части притупиться и потерять всякое значение.

Еще одно зло, с которым надо бороться в дисциплинарной политике, это — бессистемность в наложении взысканий, вытекающая опять-таки из механического подхода без индивидуализации правонарушений и правонарушителя.

Вот примеры:

На кр-ца А наложены взыскания:

25/XI — 24 г.	за опоздание из отпуска	— 3 наряда вне очереди.
7/XII — 25 г.	за тот же проступок	— 3 » » »

Или на кр-ца В:

6/X —	за несвоевременный подъем	— 3 наряда
27/XII	за тот же проступок	— 2 »

Наконец, последний пример. На кр-ца П наложено 11 взысканий в таком порядке (этот пример, как и предыдущие, мы берем из жизни):

29/VIII — 24 г.	за неисполнение приказ.	— 3 сут. ареста
11/XII — 24 г.	за сон в карауле	— 7 » »
24/XII — 24 г.	за нарушение порядка в строю	— 2 наряда
24/XII — 24 г.	за отсутствие на занят.	— 2 »
3/I — 25 г.	за нарушение строя	— 3 »
10/I — 25 г.	за действия, пороч. звание красноармейца	— 3 »

24/II — 25 г.	за неисполнение приказан.	— 3 наряда и 7 неувол.
7/III — 25 г.	за неопрятность	— 1 наряд
7/III — 25 г.	за неисполнение приказа	— 1 »
5/V — 25 г.	» » »	— 2 »
5/V — 25 г.	за нарушение устава внут. служ.	— 2 »

Наказания наложены одним и тем же лицом.

Это примеры полной бессистемности в наложении взысканий. Взыскания здесь идут не только не в порядке постепенного повышения, а по какому-то капризу и произволу. Такой „системой" законности, дисциплины не укрепишь. Во взысканиях и поощрениях должна быть система и постепенность: как правило, — от низшего взыскания к высшему.

Подводя итог, можно сказать, что правильная дисциплинарная политика заключается: 1) в установлении морально-служебного авторитета всякого начальника, который должен требовать беспрекословного исполнения своих приказаний и проверять исполнение этих приказаний; 2) в полном использовании каждым начальником своих прав и ответственности за свои действия — в данный период это относится особенно к младшему и среднему составу; 3) в дисциплине среди начальствующего состава и в частности в неприсвоении себе прав как вышестоящего, так и нижестоящего начальника; 4) в использовании мер поощрения и дисциплинарного взыскания исключительно в целях воспитания воина; 5) в индивидуализации при назначении взыскания каждого правонарушения и правонарушителя; 6) в строгой системе и постепенности при выборе мер взыскания — от низшего взыскания к высшему.

Временный Дисциплинарный устав.

Выдвинутый в конце 1924 года и в начале 1925 года ростом Красной армии и переходом ее к нормальным условиям строительства в мирной обстановке вопрос о дисциплине и цисциплинарной политике нашел свое окончательное завершение во Временном Дисциплинарном уставе РККА, утвержденном председателем Реввоенсовета ССР 10 июля 1925 года и введенном в действие приказом Реввоенсовета Союза ССР 23 сентября 1925 года за № 962. Пункт 3-й и 4-й его гласят:

„3. Действия Временного Дисциплинарного устава распространить: а) на допризывников в периоды прохождения ими учебных сборов; б) на кадровый состав частей, управлений и заведений РККА; в) на состоящих в резерве лиц начальствующего состава, откомандированных для временной работы в другие ведомства, в случаях привлечения их для продолжения службы в кадровом составе для исполнения

отдельных поручений и заданий и к учебным сборам; г) на переменный состав территориальных частей — в периоды трехмесячного обучения и учебных сборов; д) на проходящих обучение вневойсковым порядком — в периоды прохождения означенного обучения; е) на военно-обязанных запаса — в периоды учебных и поверочных сборов.

4. Действие Временного Дисциплинарного устава на вольнонаемных служащих не распространять, и таковые за нарушение трудовой дисциплины подлежат ответственности на основаниях, установленных общим трудовым законодательством".

Таким образом, из этого приказа, мы видим, что Дисциплинарный устав распространяется исключительно на военнослужащих и военнообязанных во время их состояния на военной службе, которая слагается из допризывной подготовки, действительной военной службы и состояния в запасе во время проверочных и учебных сборов. Действительная военная служба, как известно, по закону об обязательной военной службе, состоит из службы в кадровом составе частей, переменном составе территориальных частей и в прохождении обучения вневойсковым порядком.

С изданием закона об обязательной военной службе и приказа № 962 должен исчезнуть взгляд на вневойсковую подготовку, как на какую-то „гражданскую" организацию, не связанную с армией, не пропитанную духом революционной воинской дисциплины. Перед нами стоит задача, чтобы воинская дисциплина в территориальных частях и во время учебных сборов по допризывной подготовке или обучения вневойсковым порядком была не ниже, чем в кадровых частях Красной армии. Вот почему допризывник, „переменник" и т. д. во время учебных сборов не только отвечает за каждый проступок по правилам Дисциплинарного устава, но и за каждое преступление перед судом военного трибунала наравне с военнослужащими кадровых частей.

Перейдем к рассмотрению Дисциплинарного устава и отчасти к сравнению его со старым Дисциплинарным уставом, утвержденным ВЦИК 30 января 1919 года. Новый устав содержит в себе целый ряд общих положений, касающихся определения сущности дисциплины и дисциплинарной политики, останавливаться на которых мы сейчас не будем, так как они нами рассмотрены в предыдущих двух разделах настоящей главы.

Первая особенность нового устава — расширение видов взысканий с одной стороны и точная квалификация их с другой. В новый устав внесены такие виды взыскания, как: а) сокращение или лишение очередного краткосрочного

отпуска, б) занесение на черную доску до одного месяца, в) оглашение именного списка перед строем с перечислением проступков и нарушений, г) оглашение именного списка на торжественном заседании с перечислением проступков и нарушений, — в отношении рядового состава; и а) выговор на собрании командного состава, б) домашний арест до 7 суток — в отношении начальствующего состава. Нетрудно понять, что в основном эти новые виды взыскания вырисовались лишь после окончания гражданской войны и перехода армии на мирное положение. Во-первых, в боевой обстановке гражданской войны такие взысканя, как лишение кратковременного отпуска, занесение на черную доску, оглашение именного списка на торжественном заседании или домашний арест, были заведомо нереальны, и, во-вторых, лишь теперь эти меры взыскания, являясь наиболее суровыми мерами, приобретают особое воспитательное воздействие, при возросшей активности и культурности красноармейских масс. Но, в отличие от старого устава, который предоставлял право налагать „и все иные меры репрессивного воздействия, которые будут вытекать из условий обстоятельств и не будут противоречить духу и характеру Красной армии", новый устав в этом отношении не дает никаких дополнительных дисциплинарных прав, точно устанавливая виды дисциплинарных взысканий. Применение „иных видов", не предусмотренных ст. 10 Дисциплинарного устава, является, без сомнения, актом незаконным и должно рассматриваться, как превышение власти. Исключение делается только для боевой обстановки, когда „к неисполнению боевого приказа, в случаях, не терпящих отлагательств, начальники не только имеют право, но и обязаны применять вооруженное принуждение" (ст. 7 устава).

Вторая особенность устава, это — разделение видов взысканий по категориям военнослужащих, к которым они могут быть применены: а) на рядовой состав, б) на срочнослужащий начальствующий состав и в) на остальной начальствующий состав. Этого деления в старом уставе не было. Целесообразно ли это? Не противоречит ли это общему революционному духу Красной армии, в которой нет и не может быть привилегированных и непривилегированных сословий и классов? Достаточно просмотреть различие в видах взысканий, чтобы убедиться, что такое деление целесообразно и, отнюдь, не противоречит революционному духу в Красной армии.

В самом деле, в отношении начальствующего состава исключены следующие виды взысканий, могущие быть примененными к рядовому составу:

1) выговор перед строем, 2) воспрещение отлучек со двора на время до 1 месяца; 3) сокращение или лишение очередного краткосрочного отпуска, 4) занесение на черную доску до 1 месяца, 5) оглашение именного списка перед строем с перечислением проступков и нарушений, 6) оглашение именного списка на торжественном заседании с перечислением проступков и нарушений.

Внесены специально в отношении начсостава: 1) право ставить на вид, 2) выговор в предписании, 3) выговор в приказе, 4) выговор на собрании командного состава, 5) домашний арест до 7 суток.

Никаких сомнений не оставляет невозможность применения к начсоставу воспрещения отлучек со двора, так как начальствующий состав, начиная от командира взвода, проживает на частных квартирах. Домашний арест — мера взыскания, заменяющая воспрещение неотлучки. Неприменимо также к начсоставу сокращение или лишение очередного отпуска, так как для начсостава, призванного служить в армии не 2 года, а десятки лет, это было бы слишком тяжелым лишением его прав. А остальные виды взысканий: выговор перед строем, занесение на черную доску, оглашение именного списка перед строем и оглашение именного списка перед торжественным заседанием, — применимы ли они в отношении начсостава? Выше мы уже говорили, какое значение для дисциплины в армии имеет служебный и моральный авторитет начальника. Будет ли пользоваться каким-нибудь авторитетом у своих подчиненных начальник, имя которого будет значиться на черной доске или будет оглашено перед строем или на торжественном заседании в качестве примера недисциплинированности? Сможет ли такой начальник требовать воинской дисциплины от своих подчиненных? Очевидно, нет. Имело ли бы такое дисциплинарное воздействие на начальника какое-нибудь воспитательное значение? На этот вопрос нужно ответить тоже отрицательно, ибо такое воздействие подорвало бы его авторитет и, тем самым, дезорганизовало бы и его и подчиненную ему часть.

Здесь мы хотим сделать маленькое отступление. Неоднократно приходилось встречаться с вопросом — допустимо ли в стенной газете воинской части помещать заметки, разоблачающие действия и дискредитирующие того или другого начальника? Отвечая на этот вопрос, нужно исходить из того, что каждый сознательный воин, рядовой или начальник заинтересован прежде всего в крепости Красной армии, в твердой воинской дисциплине, а следовательно, и в должном авторитете всякого начальника. Если помещаемая в стен-

ной газете заметка подрывает авторитет начальника, то она этим самым способствует не укреплению Красной армии и изжитию существующих недостатков, а, наоборот, углубляет недостатки и расшатывает мощь Красной армии. Вот почему, военкору и каждому сознательному воину нужно семь раз отмерить, прежде чем отрезать. „Оглядки на беспорядки“ необходимо делать, но если эти оглядки могут подорвать авторитет начальника части, то их нельзя делать в стенной газете, а нужно направить в окружную, центральную газету, в прокуратуру, где им дадут соответствующее направление. Если данный начальник злоупотребляет своей властью, неавторитетен или недисциплинирован, то он должен быть смещен или перемещен с должности или, наконец, предан суду. Воспитывать же его или исправлять методами, дискредитирующими его в глазах подчиненных, не только бесполезно, а, наоборот, заведомо вредно. Вот почему, в отношении начальствующего состава исключены указанные выше виды дисциплинарных взысканий и заменены выговором в предписании, в приказе и, наконец, на собрании командного состава.

Третья особенность нового устава — смягчение высших мер дисциплинарных взысканий. Так, по старому уставу наряды вне очереди допускались не свыше „10 суток“, а по новому уставу — в отношении рядового и срочнослужащего начсостава — „до 5 нарядов“ и в отношении остального начсостава — „до 2 нарядов“. Арест на гауптвахте сокращен с 30 суток до 20 суток. Эти смягчения продиктованы жизнью и вполне соответствуют взгляду на дисциплинарные взыскания, как на меры воспитательного воздействия, а не как на меры наказания, возмездия, кары и т. д.

В отношении видов поощрений — новый устав также отличается от старого большим разнообразием видов и точной их квалификацией. Вместо 5 прежних — в новом уставе их 13, зато исключена такая расплывчатая формулировка как „иные льготы без нарушения интересов службы“ (ст. 31 старого устава). Так же, как и дисциплинарные взыскания, поощрения могут назначаться лишь в полном соответствии с новым Дисципсинарным уставом. Иные виды поощрения, не предусмотренные ст. 11 устава, незаконны и, очевидно, иметь место не должны. Увеличение количества и разнообразие видов поощрений соответствует проводимой ныне в армии дисциплинарной политике, когда поощрения должны занимать одно из видных мест среди мер воспитания воина.

Из новых, по сравнению со старым Дисц. уставом, видов поощрения следует отметить 1) награждение ценными подарками с соответствующей надписью, 2) награждение по-

четной грамотой с вручением ее на торжественном заседании, 3) награждение призами и установленными значками, 4) награждение личной фотографической карточкой, снятой при развернутом знамени части, 5) зачисление в списки почетных сопровождающих (ассистентов) к знаменам части, 6) награждение именным огнестрельным и холодным оружием с надписью и с соответствующей грамотой, 7) назначение в порядке досрочной аттестации на высшую должность, 8) награждение орденом трудового Красного Знамени, 9) награждение почетным революционным оружием, 10) зачисление навсегда в списки части.

Многие из этих видов жизнью уже давно были введены. Сейчас это уставом оформлено и может производиться лишь в строгом соответствии с законом, т.-е. с требованиями устава.

Переходя к вопросу о дисциплинарных правах начальников, можно отметить несколько особенностей нового устава.

Первое—дисциплинарные права, как в отношении взысканий, так и поощрений, предоставлены не только среднему, старшему и высшему начальству, но и младшему: отделенным командирам, помощникам командиров взводов и старшинам. Этим в значительной степени, как мы уже говорили выше, подымается авторитет младшего состава. В задачи старшего и среднего состава входит сейчас дать такое воспитание младшему, чтобы предоставленные ему права умело использовались, чтобы не допускать двух возможных уклонов—с одной стороны, чрезмерного использования дисциплинарных прав и с другой, неиспользование дисциплинарных прав вовсе (передача их вышестоящему начальнику). И тот и другой уклоны опасны и авторитета младшему составу не прибавят.

Второе—расширение дисциплинарных прав начальников, в особенности среднего и младшего состава. Это расширение прав преследовало ту же цель, что и предоставление прав младшему составу. Больше прав—больше ответственности—больше служебного авторитета.

Третье—разграничение прав начальника в отношении рядового состава и нижестоящего начальствующего состава, с разделением на младший, средний и т. д. состав. Права, например, командира роты шире в отношении рядового состава, чем в отношении младшего начальствующего состава и, в свою очередь, в отношении младшего состава шире, чем в отношении среднего состава. Отсутствие этого явно необходимого разграничения прав в старом Дисц. уставе можно об'яснить исключительно условиями, при которых писался

старый устав: в условиях 1919 года, разгара гражданской войны не до четкости законов было. Жизнь сама вносила свои поправки.

Четвертое—отдельно оговорены права начальников гарнизонов в отношении всего состава гарнизона.

Наконец, последнее, что обращает на себя внимание, это—право всех начальников от командиров взводов и выше в чрезвычайных, не терпящих отлагательства случаях временно отстранять от должности нижестоящих лиц, с немедленным донесением по команде с указанием причин, после чего начальником, имеющим право утверждать аттестацию на отстраненного, производится дознание и в зависимости от результатов привлекается к судебной ответственности отстраненное лицо или начальник, отстранивший без достаточных оснований.

Что касается порядка применения и приведения в исполнение мер дисциплинарного воздействия, то, прежде всего, важно установить, что применение мер взыскания и поощрения является не только правом, но и *обязанностью* начальствующего состава, так как на данной ступени исторического развития дисциплинарное воздействие есть один из способов воспитания члена коллектива в духе революционной дисциплины. Уклоняющиеся от этой обязанности во вред делу или превышающие свои права сами совершают преступление против коллектива и подлежат дисциплинарной или судебной ответственности.

Применение дисциплинарного взыскания за один и тот же проступок допускается лишь один раз, подобно тому, как за одно и то же преступление обвиняемый может быть лишь один раз судим.

Взыскание должно налагаться немедленно, как только начальнику стало известно о совершенном проступке. По истечении месячното срока взыскание, как правило, не примеянется (ст. 39 устава). Это правило, без сомнения, целесообразно и необходимо. Не только дисциплинарное взыскание теряет всякий смысл воспитательного характера, если оно является запоздалым, но даже, по многим делам о воинских преступлениях, и судебный приговор. Приговор, осуждающий воина за нарушение устава караульной службы или за оскорбление, или за неисполнение приказания, вынесенный через 8—10 месяцев или через год после совершенного преступления, наполовину потерял свое воспитательное значение. Кроме того, нахождение воина, совершившего тот или другой проступок или преступление, в неизвестности в течение долгих месяцев в ожидании дисциплинарного воздействия или судебного приговора только дезорганизует его

и тем самым дезорганизует дисциплину. На всякий проступок необходимо реагировать немедленно. На всякое преступление необходимо также реагировать, как можно скорее. В этом отношении реорганизация военных трубуналов, проведенная в апреле 1925 года, сыграла большую роль, приблизив трибуналы к красноармейским частям и значительно сократив срок с момента совершения преступления до судебного приговора или определения.

Особо поставлен уставом вопрос об учете взысканий и поощрений. В то время как старый устав совсем не касался учета, новый устав посвещает журналам взысканий и поощрений целую главу и в приложении дает форму журнала. В отличие от ныне отмененного приказа РВСР от 1923 г. № 1292, по уставу, все без исключения взыскания и поощрения заносятся в журнал. Журналы ведутся отдельно на рядовой и младший начальствующий состав и на сверхсрочнослужащий и прочий начальствующий состав. Статьями 55, 53 и 54 устанавливается порядок периодической поверки журналов. Правильный учет взысканий и поощрений вызывается не только организационно-формальными соображениями, но и глубоко принципиальными. Без хорощо поставленного учета не может быть правильной дисциплинарной политики. Каждый начальник, прежде чем назначать поощрение или взыскание на воина должен иметь возможность посмотреть по журналу, каким взысканиям и поощрениям данный воин уже подвергался и новое дисциплинарное взыскание согласовать с предыдущими. Выше мы уже говорили, что вне этой согласованности получается бессистемность и произвол. Лицо, инспектирующее часть должно иметь возможность по этим журналам определять дисциплинарную политику в данной части и проверять правильность этой политики. Одновременно с борьбой за укрепление дисциплины, началась борьба за правильный учет. Новый устав и приказ РВС Союза ССР от 30 июля 1925 г. № 715, с инструкцией по ведению учета и составлению отчетных форм о правонарушениях и дисциплинарных взысканиях, должны были положить начало точному учету в частях дисциплинарным взысканиям и поощрениям. До сих пор учет был из рук вон плохо поставлен, вернее учета, на котором можно было бы безошибочно базироваться, не было вовсе.

Последний вопрос, который мы считаем необходимым затронуть в связи с Дисциплинарным уставом, занимающий в уставе последнюю его главу, это—вопрос о жалобах. В целях упрочения революционной законности каждому военнослужащему, как и каждому гражданину Советской Республики, предоставляется право подавать жалобы на на-

рушение его законных прав или на незаконные действия других. Отличие для военнослужащих заключается лишь в том, что для подачи жалоб устанавливается определенный порядок, соответствующий общевоинской структуре. Понятие „жалоба“ устав определяет таким образом: „Заявление военнослужащего о незаконных или несправедливых в отношении его действиях и распоряжениях начальства, о непредоставлении установленных за службу прав и преимуществ или неудовлетворении положенным довольствием называется жалобой“ (ст. 56).

Закон устанавливает следующие ограничения для подачи жалоб:

1. Жалобы не допускаются на строгость взыскания, если наложивший взыскание не вышел за пределы предоставленных ему прав,—обратный порядок привел бы к тому, что всякий подвергшийся дисциплинарному взысканию считал бы взыскание в отношении его слишком строгим, подавал бы жалобы, дисциплинарная политика была бы сорвана, и укрепление дисциплины стояло бы на волоске.

2. Воспрещается подавать жалобы за другого и коллективно. К подаче жалобы на своего начальника или на нарушение прав каждый должен относиться серьезно. Подача жалобы может дезорганизовать на время как подавшего ее, так и лицо, на которое она подана. Нужно семь раз подумать, проверить основательность и законность своей жалобы, а потом ее подавать. Каждый военнослужащий должен нести персональную ответственность за нахождение в поданной им жалобе заведомо (сознательно) ложных сообщений, а поэтому вполне естественно запрещение подавать жалобы за других. Также вполне естественно запрещение подавать жалобы коллективно, ибо каждый в отдельности, прячась за спиной коллектива, не будет себя считать ответственным за достоверность и основательность приводящихся в жалобе фактов.

3. Воспрещается подавать жалобы во время исполнения служебных обязанностей. От каждого военнослужащего закон требует беспрекословного исполнения распоряжений начальника во время исполнения служебных обязанностей. Если данное лицо находит, что распоряжения начальника незаконны, не справедливы или нарушают его права, то он может их обжаловать, но лишь после исполнения распоряжений, т.-е. после окончания исполнения служебных обязанностей. Не исполняются приказы начальника лишь преступного характера.

Порядок подачи жалоб установлен таков: жалобы подаются по команде или при инспекторском опросе, при чем

предельным сроком подачи жалобы является ближайший инспекторский опрос. Жалобы на прямого начальника заявляются тому начальнику, которому непосредственно подчинен военнослужащий, давший повод к жалобе (ст. 59). По каждой жалобе обязательно начальником производится или назначается расследование, при чем поручение произвести расследование не может даваться лицу, состоящему в подчинении у жалобщика или у лица, на коего жалоба принесена (ст. 62 и 63). В зависимости от результатов расследования привлекается к дисциплинарной или судебной ответственности начальник, на которого была подана жалоба, если она оказалась основательной, или подавший жалобу, когда она оказалась заведомо ложной или явно неосновательной.

Данный уставом порядок подачи жалоб отнюдь не исключает права всякого военнослужащего подавать заявление о незаконных действиях любых должностных лиц непосредственно или по команде военному прокурору. К прокуратуре, как органу надзора за революционной законностью, вправе обращаться любой гражданин Республик, в том числе и военнослужащий, и доступ в прокуратуру не ограничен никакими формальностями.

ПРЕСТУПНОСТЬ

Проступок и воинское преступление

„Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам Советского строя и правопорядку, установленному Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени", — говорит Уголовный кодекс РСФСР.

Угол. кодекс не знает термина „проступок". Этот термин мы встречаем в Дисциплинарном уставе, который дает ему следующее определение: „Проступком называется действие военнослужащего, которое нарушает порядок службы или свидетельствует об отсутствии добросовестного отношения и старательности, при условии, что в этом действии *нет злостного неподчинения и сознательной враждебности к Советской власти, а равно и других признаков, влекущих за собой судебную ответственность*".

Из сопоставления этих двух определений нетрудно сделать вывод, что общим для проступка и преступления в Красной армии является их общественная опасность. Отличие только в *степени* этой опасности. Всякий проступок становится преступлением, если в нем проявилась злостность правонарушителя или сознательная враждебность к установленному в Красной армии порядку. Проступок становится также преступлением, если он повлек за собой более или менее значительный ущерб для Красной армии, или хотя бы никаких последствий за собой не повлек, но если правонарушителю было известно, что он мог создать значительный ущерб армии и подорвать ее мощь. Так, например, нарушение устава караульной службы, если оно не повлекло за собой никаких тяжелых последствий и если оно совершено без злого намерения, может, при смягчающих обстоятельствах, рассматриваться, как проступок, а нарушение устава караульной службы при тех же условиях, учиненное в карауле, охраняющем арестованных, артиллерийский склад, денежный ящик и т. д., является, без сомнения, преступлением. Сте-

пень опасности правонарушения в последнем случае значительно большая, чем в первом.

Если мы обратимся к Положению о воинских преступлениях, то мы увидим, что многие правонарушения, подходящие под понятие „преступление“, могут при известных условиях квалифицироваться, как „проступки“, подлежащие рассмотрению не в судебном, а в дисциплинарном порядке.

А именно:

1. Неисполнение военнослужащим законного приказания по службе есть преступление. Если неисполнение законного приказания было *учинено по явной несознательности*, то применяются правила устава дисциплинарного.

2. Оскорбление при исполнении служебных обязанностей военнослужащим своего начальника или начальником своего подчиненного — преступление. Если же оскорбление было нанесено не насильственным действием, а только на словах, *при смягчающих в отношении правонарушителя обстоятельствах*, то это может квалифицироваться, как проступок и рассматриваться по правилам устава дисциплинарного.

3. Самовольное оставление военнослужащим своей части, *продолжающееся менее 6 суток* при условии добровольной явки есть проступок. В остальных случаях — преступление. Преступлением также становится неоднократная, не менее 3 раз, самовольная отлучка. Во время территориальных сборов, в виду сравнительной краткости их, преступлением признается самовольная отлучка из части на срок свыше 2 суток.

4. Промотание военнослужащим казенного обмундирования — преступление. При смягчающих же обстоятельствах, т.-е. при незначительности промотанного и малой сознательности промотавшего, это рассматривается как проступок, и применяются меры дисциплинарного воздействия.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, что между проступком и преступлением во многих случаях резкой грани нет. Эту грань в каждом конкретном случае нужно определить в зависимости от об'ективной обстановки, состояния данной воинской части, степени опасности содеянного правонарушения и от того, какие последствия повлекло это нарушение, что из себя представляет правонарушитель, какими мотивами он руководствовался. Последнее имеет особое значение: так, например, за неисполнение приказания недисциплинированный воин может быть предан суду, в то время как дисциплинированный может быть подвергнут лишь дисциплинарному воздействию.

Право провести грань между проступком и преступлением принадлежит начальнику отдельной части (ст. 41 Дисц. уст.). Устав дает начальнику части только одно ограничение: „Если один из участников проступка предан суду, то и остальные должны нести ответственность также по суду“ (ст. 42 Дисц. уст.). Если данный проступок квалифицирован начальником части, как преступление, и дело передано судебным органам, то дисциплинарное взыскание уже не может назначаться, а если оно было назначено и не приведено в исполнение, то оно отменяется (ст. 44 устава).

Исключается ли, однако, правом начальника части передавать дело в судебные органы или разрешать его в дисциплинарном порядке право судебных органов на непосредственное вмешательство? Без сомнения, нет. При наличии к этому оснований следователь, прокурор, военный трибунал вправе всегда возбудить уголовное дело, несмотря на то, что начальником данное правонарушение признано проступком, а не преступлением, и разрешено в дисциплинарном порядке. В этом случае: „Применение дисциплинарного взыскания не освобождает от суда совершившего проступок“.

В практике Красной армии с явлением непосредственного вмешательства судебных органов мы встречаемся сейчас значительно реже, чем с неиспользованием начальствующим составом прав, предоставленных ему Дисциплинарным уставом. К сожалению, еще сейчас известный % дел приходится военным следователям, прокурорам и трибуналам возвращать начальнику части для разрешения дисциплинарным порядком. Это свидетельствует о том, что начальствующий состав не всегда берет на себя ответственность признать содеянное „проступком“ и разрешить своей властью, а, квалифицируя его, как „преступление“, передает судебным органам.

Казалось бы, что это хорошо. Получается двойная, тройная проверка: сначала начальником части, затем военным следователем, прокурором, а иногда и трибуналом. В действительности от этой тройной проверки происходит большое замедление в дисциплинарном воздействии на правонарушителя, и умаляется авторитет начальника.

Дело передали следователю, рассуждает правонарушитель, а следователь (прокурор, трибунал) его прекратил: значит, дело пустяковое, а нехорош начальник. От таких рассуждений авторитета начальнику не прибавится. Тот факт, что в практике почти нет случая привлечения к ответственности начальствующего состава за превышение власти, выразившееся в разрешении своей властью дела, подлежащего передаче судебным органам, должен наталкивать

каждого начальника на мысль, что использование своих прав нужно производить в полном об'еме, прибегая к судебному воздействию в отношении подчиненных лишь в случаях явной необходимости. Преступлением военнослужащего считается всякое общественно-опасное действие или бездействие, считающееся преступлением по уголовному кодексу той Союзной Советской Республики, на территории которой находится данная воинская часть, и, кроме того, действия, предусмотренные специально Положением о воинских преступлениях.

Отличие воинских преступлений от других „Положением о воинских преступлениях", утвержденным 31 октября 1924 года Президиумом Центр. Исполнит. Комитета Союза ССР во исполнение постановления 2-й сессии 2-го созыва ЦИК'а СССР — определяется таким образом: „Воинскими преступлениями признаются преступления военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Красного флота, лиц, зачисленных в команды обслуживания, и лиц, призываемых на службу в территориальные формирования, на время отбывания ими сборов,—направленные против установленного порядка несения военной службы, если притом эти преступления по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или военно-морской службе". Чтобы признать данное преступление специально *воинским,* необходимы следующие три элемента: 1) чтобы преступление было совершено военнослужащим, 2) чтобы оно было направлено против установленного в Красной армии порядка, 3) чтобы по своему характеру это преступление могло быть совершено исключительно военнослужащими, а не гражданским лицом. Отсутствие одного из этих признаков делает преступление не воинским. Так например: служебный подлог, убийство, кража, изнасилование и т. п., не являются воинскими преступлениями, хотя бы они и были совершены военнослужащими.

Квалификация отдельных видов воинских преступлений дана нам в Положении, которое распространяет свое действие на всю Красную армию вне зависимости от того, на территории какой Республики расположена данная воинская часть. Перечисленные в Положении виды воинских преступлений можно условно разделить на 4 группы:

1) преступления, направленные непосредственно против дисциплины в Красной армии, 2) должностные, 3) имущественные, 4) прочие воинские преступления.

К первой группе мы отнесем: сопротивление исполнению законно-отданного по военной службе приказания

(ст. 2), неисполнение законного приказания (ст. 4), самовольную отлучку или побег из армии (ст. 5, 6, 7), уклонение от военной службы (ст. 9), нарушение уставных правил караульной службы (ст. 11) и самовольное оставление поля сражения во время боя, преднамеренную сдачу в плен и т. п. (ст. 14). Ко второй группе — превышение, бездействие власти, а равно злоупотребление правами, совершенное лицом командного, административно-хозяйственного или политического состава (ст. 12), самовольное отступление военного начальника от данной ему диспозиции или иного распоряжения, отданного для боя, сдача им неприятелю вверенных ему отрядов и т. д. (ст. 13), противозаконное использование начальником своего подчиненного для обслуживания личных потребностей начальника или его семейства (ст. 19). К третьей группе — противозаконное отчуждение (промотание) казенного обмундирования, патронов, оружия, лошади (ст. 10) и мародерство (ст. 17). Наконец, к прочим воинским преступлениям относятся — переписка или сношение другими способами во время войны с лицами из неприятельской армии или проживающими во владениях неприятеля (ст. 15), военный шпионаж (ст. 16) и противозаконное насилие над гражданским населением в военное время или боевой обстановке (ст. 18). Всего Положением нам дано 15 отдельных видов специально воинских преступлений.

Указанные в статьях Положения меры социальной защиты (наказания по старой терминологии) сравнительно более суровы, чем в отношении обще-гражданских преступлений, повышаются в зависимости от нанесенного Красной армии материального и морального ущерба и особенно суровы для преступлений, совершенных в боевой обстановке или в военное время. Это понятно. Каждое воинское преступление, совершенное в Красной армии, в особенности в военное время или в боевой обстановке, ставит под угрозу дисциплину, мощь, крепость Красной армии — вооруженной силы диктатуры пролетариата. Высокая степень опасности преступлений в армии требует наиболее суровых мер борьбы с ними.

Борьба с преступностью

Судебную работу в Красной армии по борьбе с преступностью осуществляют военные трибуналы. Апрельская реформа 1925 года трибуналов внесла в их структуру значительные изменения. При значительном сокращении штатов в общем и в каждом трибунале в отдельности количество трибуналов возросло. Трибуналы стали ближе к воинским частям. В некоторых округах трибуналы имеются при каж-

дой дивизии. Одновременно с этой реорганизацией в трибуналы введен новый институт — институт временных членов трибунала. Временные члены кооптируются для участия в распорядительных и судебных заседаниях из наиболее сознательных, выдержанных и преданных делу революции красноармейцев, командиров и политработников. Этим институтом достигаются две цели: во-первых, трибунал становится значительно ближе к воинским частям в понимании обстановки, в которой имело место преступление, и во-вторых, в лице кооптированных членов трибунала Красная армия приобретает кр-цев, командиров и политработников, приобщенных к судебной работе и становящихся пропагандистами основ революционной законности.

Как велика преступность в армии, каков ее характер и как с ней трибуналы борются, — вот вопросы, на которые мы хотим здесь ответить.

Если мы обратимся к цифрам о деятельности военных трибуналов за 1924 год и первые три квартала 1925 года, то отметим несколько характерных обстоятельств. Преступность в армии в связи с проведенной реформой, с укреплением дисциплины и улучшением материальных и бытовых условий стала значительно понижаться. Если взять средние цифры, то мы получим сокращение в поступлении дел для каждого квартала 1925 года по сравнению с 1924 годом в 5027 дел.

Если мы возьмем цифры заслушанных дел в трибуналах, то мы увидим ту же картину. В среднем за каждый квартал 1925 года заслушано трибуналами на 1848 дел меньше, чем в 1924 году. Уменьшение значительное, но оно не было бы еще достаточно показательным, если бы мы из практики работы трибуналов в настоящее время не знали, что тенденция к уменьшению преступности имеется и сейчас и с каждым месяцем цифра поступления дел все уменьшается.

Обращают на себя внимание из деятельности трибуналов также цифры прекращенных дел, при чем здесь нас могут интересовать не абсолютные цифры, а относительные. В 1924 году из дел, находившихся в производстве, трибуналов, прекращено 40%, а в 1925 г. прекращено 32%. Чем об'ясняется понижение % прекращенных дел? Главной причиной нужно считать большее использование начальствующим составом своих законных прав разрешения дел в дисциплинарном порядке. В этом отношении необходимо сделать еще несколько шагов вперед и добиться, чтобы в трибуналы поступали исключительно дела, которые не могут быть разрешены в дисциплинарном порядке. Ко второй причине понижения % прекращенных дел следует отнести

улучшение техники раскрытия преступления как органами дознания, так и следственными органами. Улучшена техника производства дознания, следствия, и одновременно сокращен срок судебного производства дела.

Из заслушанных в судебных заседаниях дел в 1924 г. в первом же заседании заслушано 81%, а назначено к слушанию неоднократно — 19%, а в 1925 неоднократно назначалось к слушанию лишь 9% всех дел, а остальные 91% дел были разобраны в первом же заседании. Эти цифры без сомнения, свидетельствуют об ускорении процесса. К этому нужно еще прибавить, что средняя продолжительность производства дознания и следствия по делам также значительно меньшая в 1925 году, чем в 1924 г., и имеет тенденцию к еще большему сокращению.

Вышеуказанные цифры включают в себя не только дела по воинским преступлениям, но и дела по всем остальным подсудным трибуналам преступлениям. К подсудности военных трибуналов отнесены, кроме дел о воинских преступлениях, все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, предусмотренных статьями 57 — 73 Угол. код. (т.-е. контр-революционные), ст. 76 У. К. (т.-е. бандитизм), ст. ст. 105 — 117 У. К. (т.-е. должностные), второй частью ст. 97 У. К. (т.-е. контрабанда) и ст. 180-а У. К. (т.-е. систематическое хищение из государственных складов) и дела о преступлениях, совершенных не военнослужащими, предусмотренных ст. ст. 66 (шпионаж), 81 д. (уклонение от явки к мобилизации), 130 (неисполнение обязательств по договору) и 180а (систематическое хищение), если таковые преступления непосредственно угрожали крепости и мощи Красной армии.

Если преступления, разбираемые военными трибуналами, разбить на группы по характеру преступлений, то на первом месте стоят воинские, на втором—должностные, на третьем—хозяйственно-имущественные и на последнем — государственные (контр-революционные и преступления против порядка управления). Приводимая таблица нам это наглядно покажет (см. первую табл. стр. 67).

Относительно должностных преступлений нужно сказать, что они являются показателем, главным образом, неналаженности технической стороны хозяйства в воинских частях. Несоблюдение приказов, касающихся ведения хозяйства и его делопроизводства, — вот главный источник вольных и невольных должностных преступлений. Если мы обратимся к анализу воинских преступлений, то мы увидим такое распределение осужденных по видам преступлений (см. вторую табл.).

	Всего осужденных	Из них:				
		По воин.	Должн.	Хоз.-имущ.	Контр-револ.	Против. пор. упр.
	В процентах					
1924 г.	100	67,5	21	7	1	3,5
1925 г. за 3 квартала	100	68	24	5	1	2

Наименование преступлений	Всего осужденных	
	1924 год	1925 год 3 кварт.
	В процентах.	
Побег (1 раз)	52	32
Побег (2 и 3 раз и лиц начсостава)	10	4
Нарушение уставных правил карслужбы	14	26
Неисполнение приказания	9	20
Оскорбление начальником подчиненного и обратно	2,5	4
Промотание обмундирования и другого имущества	7	7
Другие воинские преступления	5,5	7
Итого	100	100

Эти цифры нам говорят, что на первом месте среди воинских преступлений стоит побег, хотя в 1925 году по сравнению с 1924 г. количество преступлений этой категории значительно сократилось. Чтобы избежать недоразумений, нужно снова напомнить, что под побегом понимается самовольное оставление военнослужащим части на срок более

6 суток или даже до 6 суток при отсутствии добровольной явки. В большинстве случаев побеги, с которыми приходится встречаться в 1925 году, это — затянувшиеся на 2—3 недели или на месяц самовольные отлучки, очень часто с добровольной явкой отлучившихся. Тем не менее, вопрос о самовольных отлучках и побегах в Красной армии подлежит тщательному изучению с целью принятия мер к сведению их до минимума.

На втором месте стоит — нарушение уставных правил караульной службы, на третьем — неисполнение приказаний. Абсолютные цифры осужденных, которые мы здесь не имеем воможности привести, показывают, что количество осужденных по этим преступлениям в 1925 году значительно большее, чем в 1924 г. Это, однако, об'ясняется, не увеличением преступности в армии, а более тщательным выявлением всех преступлений против дисциплины в ней. Взятый курс на укрепление законности, укрепление дисциплины в армии в общем сократил количество нарушений дисциплины, но привел к выявлению всех без исключения нарушений, в то время как раньше многие нарушения оставались вне внимания начальства, без дисциплинарного или судебного на них воздействия.

Что касается политики трибуналов в назначении мер социальной защиты (наказаний по старой терминологии), то она вырисовывается нам из следующей таблицы.

В связи с общим ростом и укреплением мощи Красной армии, с понижением преступности в карательной политике трибуналов, начиная с 1924 года замечается тенденция, с нашей точки зрения, совершенно правильная, к понижению мер социальной защиты. Это правильно еще потому, что меры социальной защиты стали более реальными, чем прежде. В прошлые годы мы переживали бесконечное количество амнистий и разгрузочных комиссий, которые фактически сводили лишение свободы к минимальным срокам. Вместо 5, 8, 10 лет осужденные отбывали лишение свободы 3, 2, 1 год, а иногда и того меньше.

Взятый курс на укрепление революционной законности в Республике требует, чтобы судебный приговор был не фикцией, чтобы назначенная мера социальной защиты была реальной. В этом отношении достигнуты уже большие успехи. Помимо общих причин, связанных с под'емом хозяйства в нашей стране и упрочением Советской власти, достигнутые успехи в деле реализации приговоров нашли свое отражение в судебной политике обще-гражданских судебных органов и военных трибуналов в сторону понижения мер социальной защиты.

Годы	Всего осужденных	К видам мер социальной защиты: Условн. лишен. свободы	Лишение свободы: До 1 г.	От 1 до 3 лет	Свыше 3 лет	Высшая мера соц. защиты	Штрафные части	Другие виды
	В процентах							
По всем преступлениям 1924 г.	100	25,5	35	16	5	0,5	9	9
1925 г. (За 3 квартала)	100	21	38	16	3	1/7	9 6/7	12
Только по воинским преступлениям 1924 г.	100	24	43	13	2	0,025	12	6
1925 г. (За 3 квартала)	100	18	43	15	1	0,02	13	10

Что касается судебной политики по специально воинским преступлениям, то мы видим, что на их долю падает, главным образом, лишение свободы до 1 года и направление в штрафные части (тоже до 1 года). Мы бы считали, что при хорошей постановке штрафных частей направление в них — лучший способ судебного воздействия на нарушителя дисциплины в Красной армии. Находясь в штрафной части, осужденный не отрывается от жизни Красной армии и воспитывается в духе строгой воинской революционной дисциплины [1].

Такова в общих чертах преступность в армии и политика применения мер социальной защиты военных трибуналов в борьбе с ней.

Внедрение революционной законности во все поры жизни страны, укрепление дисциплины в армии должны привести в ближайшие же годы к положению, когда предание судебным органам кого-нибудь будет в каждой воинской части явлением чрезвычайно редким и исключительного характера.

[1] Эти строки были написаны еще до постановления ЦИК и СНК Союза ССР о напралении осужденных к лишению свободы до 1 года, военнослужащих, рядового и младшего начсостава, для отбытия наказания в штрафные части.

БОРЬБА ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЗАКОННОСТЬ.

Прокуратура, и в ее составе военная прокуратура, есть око пролетарского государства, от имени этого государства осуществляющая наблюдение за выполнением революционного закона всеми в армии. Но ведь понятие революционной законности отнюдь не исчерпывается только выполнением революционного закона. Это — во-первых; во-вторых, как мы уже указывали, курс на законность, взятый всерьез и надолго, включает в себя и массово-организованную правовую пропаганду. Прокуратура без поддержки передовых, наиболее сознательных элементов трудящихся не сможет успешно справиться с этой задачей. Проводниками революционной законности в армии является не только прокуратура, но все—от командира—политработника до красноармейца включительно. Что представлял бы собою аппарат прокуратуры, если бы он ограничился только бумажным наблюдением за исполнением закона и борьбой с проступками и преступлениями в армии? Если бы он не знал быта части, политико-морального состояния ее, как смог бы он бороться с нездоровыми явлениями в армии, не будучи достаточно крепко связан с командованием, политорганами и красноармейской массой? Это был бы образец аппарата с явно бюрократическим извращением. У нас, при нашей системе построения организационного аппарата, немыслим такого рода аппарат в армии. Наоборот, только при теснейшем сотрудничестве командования и политорганов и в том числе прокуратуры, при том условии, когда каждый красноармеец будет, в первую очередь, делиться с командиром имеющимися у него сведениями о тех или иных случаях нездоровых явлений в части, когда он будет итти к командиру со своими сомнениями и за советом по своим нуждам, когда командир будет чутко отзываться на них и когда красноармеец на практике увидит результаты своего доверия оправданными,— создастся почва для укрепления революционной законности. Когда в лице прокурора кр-ц будет видеть не карающее лицо, хватающее нарушителей закона, а человека, борюще-

гося с беззаконием и нездоровыми явлениями в части предупредительными мерами, быстро откликающегося на заявления, поданные ему,—только тогда усилиями всех, направленными в одну точку, будет осуществлена задача укрепления законности в части. Курс на укрепление революционной законности обусловливается призывом, обращенным партией и властью к трудящимся, активно стать борцами с произволом и беззаконием. Он предполагает массовое обращение с жалобами и заявлениями, вскрывающими маленькие и большие случаи злоупотреблений и нарушений прав трудящихся. Он требует от власти восстановления нарушенных прав и карает, если эти права не будут восстановлены.

Кроме государственного аппарата, в борьбу за законность вовлекаются передовые слои советской общественности— рабочие, крестьянские, военные корреспонденты, организуемые нашей печатью. Наша печать, тесно связанная с этим передовым слоем, проникающим до отдаленнейших уголков нашего Союза, находится в передовой цепи в борьбе с беззаконием. Она обнажает все язвы нашего быта, те беззакония в работе нашего аппарата, которые зачастую не видны ни высшим органам власти, ни суду, ни прокуратуре. Сила печати в осуществлении этой задачи и заключается в связи с массами через ее передовых граждан. И мы видим, как зачастую за эту работу по борьбе за укрепление законности на этом, казалось бы, бескровном фронте, десятки этих передовых борцов падают жертвами невежества и произвола. Ни командир данной части, ни тем более прокурор или политработник не смогут так знать часть, чтобы подмечать все явления в ней. Они смогут это с бо́льшим успехом сделать, если будут так воспитывать красноармейцев, чтобы они сами шли и высказывали, не затаивая в себе, темные и светлые стороны быта своей части, которые изнутри им виднее. Наша военная печать, организующая вокруг себя военкоров и держащая связь с деревней через селькоров, должна обрастать все большим и большим активом, переваривая, воспитывая этот актив. Наша задача в подведении фундамента под революционную законность сводится к тому, чтобы в борьбу за закон вовлекать широчайшие красноармейские массы, стремиться на основе вскрытых недочетов вносить улучшения в работу. А этого возможно достичь только на основе массово-поставленной пропаганды нашего права—классового права трудящихся. Таким образом, у нас в армии проводниками революционной законности являются не только прокуратура и суд, т. е. специальные органы нашего советского аппарата, занимаю-

щиеся применением революционного закона к конкретным случаям жизни, но каждый командир, политработник и передовой красноармеец. *Борьба с беззаконием, произволом есть дело и задача всех.* Каждый и всякий гражданин нашего Союза, каждый воин Рабоче-Крестьянской его армии должен быть проводником революционной законности. Это его задача—приобщить себя к тому курсу, который выдвинула партия и власть, курсу, взятому на эпоху.

Но для того, чтобы содействовать на практике укреплению революционной законности, необходимо наличие двух условий: во-первых, надо знать основы законодательства и, во-вторых, самому демонстрировать перед трудящимися массами ревностного исполнителя революционного закона. Без этих условий совершенно немыслимо укрепление революционной законности.

По части знания законов у нас в армии есть недочеты. Многие товарищи полагают, что знание законов, это—дело на сей предмет существующих советских юристов. Некоторые не то пренебрежительно, не то безразлично относятся к законам, недооценивая, не понимая их огромного воспитательного значения. Нужно совершенно откровенно признать, что и в отношении правовой пропаганды у нас в армии также проглядывает это безразличное отношение. Красноармейцы очень хорошо ориентируются в вопросах международных отношений, но не знают нашего основного закона, не знают своих прав и существующего порядка обжалования решения, нарушающего эти права. Основы наших уголовных законов, зачастую, преподносятся им с ударением на мерах наказания и т. д.

Армия, демобилизуя из своих рядов ежегодно до трехсот тысяч красноармейцев, обязана выпускать их на деревню грамотными в правовом отношении, чтобы они, вернувшись на село, не только сами смогли бы защищать предоставленные им законом права, но научили и своих односельчан этому. Можно без преувеличения сказать, что наша советская деревня, находящаяся на низком культурном уровне, неграмотная и отсталая в правовом отношении, совершенно беспомощна. Какое положение мы наблюдаем в ней? Очень часто кулак, который не наделен законом теми правами, которыми наделена беднота и середняки (пассивное и активное избирательное право), умеет пролезть в советы, толкуя закон в свою пользу. Очень часто середняк, который пользуется всеми правами гражданина, который представляет собой центральную фигуру в деревне, на которую держит курс власть, подводится под понятие кулака и лишается избирательных прав. Не зная прав и путей вос-

становления их, он, с затаенным в душе чувством несправедливости, примиряется с этим нарушением не только его прав, но и грубейшим нарушением основного курса нашей политики в деревне. Мы можем во многих случаях наблюдать, как кулак в тяжбе с бедняком или середняком добивается разрешения тяжбы в свою пользу только потому, что середняк не умеет защитить своего права, не умеет использовать закон, охраняющий его интерес, в то время как кулак всячески лезет из кожи, чтобы доказать свои права, имея возможность прибегнуть к найму ходатая. Укреплять революционную законность в армии, это значит нести в красноармейские массы знание основ законодательства, научить массы пользоваться своими правами и уметь их отстаивать. Укреплять революционную законность, это значит вооружать массы знанием самых необходимых в крестьянском быту законов. Нужно, чтобы красноармеец знал, как достать лесу на постройку, какие льготы имеет его семья по налогу и в других отношениях, как нужно писать заявления и куда подавать, кому нужно подавать жалобу крестьянину, у которого нарушаются местными органами власти его права, и т. д. Нам кажется, что правовая пропаганда может быть осуществлена тремя способами.

Во-первых, консультациями, на которых собираются (совершенно добровольно) те красноармейцы, которые нуждаются в даче каких-либо раз'яснений по правовым вопросам. Эти консультации, устраиваемые один раз в две недели по 2 часа в клубе части, приучат красноармейца к регулярно подающейся ему правовой помощи. В проведении их участвуют политорганы и судебные органы, там ему напишут заявление и проследят за получением на него ответа. Опыт годичной работы таких консультаций в Московском военном округе дал положительные результаты.

Во-вторых, один раз в неделю по плану, согласованному с политорганами, судебные работники делают доклады по практическим правовым вопросам. Допустим, замечается при учете опыта консультации интерес к вопросу об отпусках или другому какому-либо вопросу. В докладе этот вопрос всесторонне освещается в течение 30—40 минут на основании действующих приказов, затем 20 минут посвящаются беседе по этому докладу со слушателями. В МВО месяца за два до демобилизации 1902 года проведенные доклады среди демобилизованных показали полезность этого способа пропаганды.

В-третьих, в план политпросветработы необходимо политорганам включить ряд правовых вопросов, по которым, при помощи судебных работников, велись бы планомерные

занятия в частях. Настоящие программы включают в себя лишь основы конституции Союза, но не содержат, например, даже вопросов о воинских преступлениях. Необходимо наши программы (и особенно для нормальных школ) пересмотреть именно под знаком курса на укрепление революционной законности, расширив их в сторону предоставления большего места правовым вопросам и раз'яснению курса на укрепление законности.

Что касается второго неизбежного условия, для того, чтобы быть проводником революционной законности,—быть самому ревностным исполнителем приказов и уставов Рабоче-Крестьянской Красной армии, то и без пояснения ясно, что тот, кто сам не выполняет законов, кто безразлично относится к ним, не может быть воспитателем масс в духе законности. Массы ему не поверят, когда он будет говорить красивые слова о законности, а на примерах будет являть собой образ поведения недисциплинированного воина.

Красная армия, школа военной учебы и школа политического воспитания, должна давать нашему Союзу сознательного борца за революцию, обладающего знанием военного дела, и сознательного гражданина, знающего свои права и обязанности—передового борца за законность у себя в деревне. В этом суть того курса на укрепление революционной законности, проведение которого является очередной задачей настоящего периода.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стран.
Классовое право и закон	3
Революционная законность	16
Революционная законность в Красной армии	22
Дисциплина в Красной армии	33
Преступность	60
Борьба за революционную законность	70

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“.

Москва, Манежная ул., 7.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ:

	ЦЕНА.
А. Н. СУВОРОВ. — Тактика в примерах. 508 стр., 185 военно-исторических примеров, более 200 чертежей и схем	— р. — к.
Е. МЕНЬЧУКОВ и А. ЗОТОВ. — Рабочая книга по общей тактике. Одобрена Центральной научно-методической комиссией УВУЗ'а и рекомендована школьным отделом УВУЗ'а, как обязательное пособие для нормальных школ. 264 стр.	1 „ 90 „
Беседы о военном деле в Красной Армии. Сборник статей для кружков военных знаний на фабриках, заводах, при клубах и школах. Под редакцией С. М. Белицкого, В. Попова и Ф. Котта. Сборник содержит 216 стр. большого формата и свыше 150 чертежей и иллюстраций.	1 „ 75 „
Н. П. ВИШНЯКОВ и Ф. И. АРХИПОВ. — Устройство вооруженных сил СССР. Второе исправленное и дополненное издание по данным на 15 ноября 1925 г. 368 стр. большого формата с 34 схемами и картой.	3 „ 50 „
В переплете	4 „ — „
Л. МАЛИНОВСКИЙ. — Очередные практические задачи территориального строительства Красной Армии. 104 стр.	— „ 75 „
И. ГЛУДИН и А. СИДНЕВ. — Что должен знать каждый гражданин СССР о военной службе. Подробный справочник для всего призывного населения СССР. 112 стр.	— „ 40 „
Е. МЕНЬЧУКОВ. — Военная игра. С 15 схемами и чертежами. 88 стр.	— „ 75 „
В. СВЕНЦИЦКИЙ и П. БЕССОНОВ. — Топография в задачах. 124 стр., 78 чертежей и схем, 2 карты и 1 план 100 саж. в дюйме (на отдельных листах).	1 „ 20 „
60 боевых упражнений для бойца и отделения. Перевод с польского, переработанный под редакцией Р. Циффера. 88 стр. с 38 чертежами в тексте.	— „ 60 „
ЗАХАРОВ. — Обучение в терчастях отделения и взвода. 72 стр.	— „ 35 „
Н. ФИЛАТОВ и М. ЭНВАЛЬД. — Определение расстояния до целей в стрелковом бою. 50 стр.	— „ 25 „
В. КОВРОВЦЕВ. — Угломер-квадрант для стрельбы из станковых пулеметов. 48 стр.	— „ 40 „
ИНСПЕКЦИЯ СВЯЗИ РККА. — Организация связи в стрелковой роте. 16 стр. со схемой на отдельном листе.	— „ 10 „
Материалы для проработки решений XIV С'езда ВКП (б) в Красной Армии. Книга составлена работниками ПУР'а и ПУМВО под редакцией Д. Цирлина применительно к двухлетней программе ПУР'а. Одобрено Агитпропом ПУР'а. 80 стр.	— „ 50 „
Политзанятия с новобранцами-переменниками. Перевод с польского, переработанный под редакцией Р. Циффера. 88 стр. с 38 чертежами в тексте.	— „ 60 „
ПИЛСУДСКИЙ. — 1920 год. Перевод с польского Петрусевича. С предисловием Триандафиллова. 172 стр., 8 схем на отдельных листах.	1 „ 40 „
А. НИКОНОВ. — Китай. Популярный военно-политический очерк. К книге на отдельных листах приложены 3 карты, среди них — политическая карта Китая (в три краски) с указанием сфер империалистических влияний в Китае. 104 стр.	1 „ — „

Цена 85 коп.

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА, МАНЕЖНАЯ, 7

